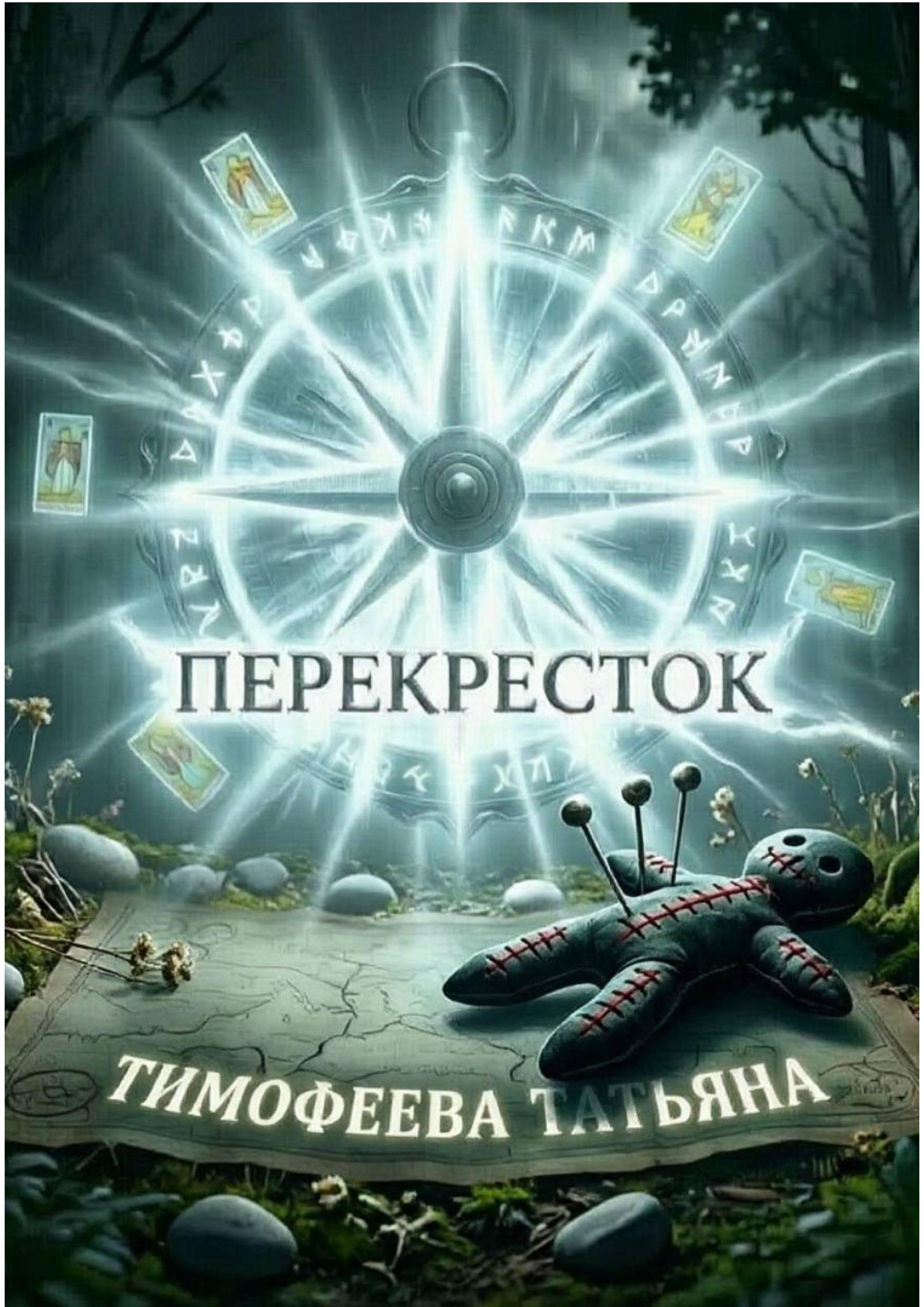

ПЕРЕКРЕСТОК

ТИМОФЕЕВА ТАТЬЯНА

Татьяна Тимофеева

Перекрёсток

«Автор»

2026

Тимофеева Т.

Перекрёсток / Т. Тимофеева — «Автор», 2026

«Поодиночке мы — искры. Вместе — пожар, который не погасить никому». Четыре пути. Четыре вида магии. И один Перекрёсток, где они сходятся. Артур слышит мёртвых с восьми лет. Вера лечит травами. Селин видит метки смерти. Эриль — последний из древнего рода, и его руны скоро умолкнут навсегда. Кай стёр себе память, чтобы забыть боль, и теперь пытается собрать себя по кускам. Рина гадает на картах, но не знает, куда идти самой. Добро пожаловать в Перекрёсток. Здесь магия не прощает слабых. Здесь каждый выбирает свой путь. И здесь начинается игра, в которой ставка — они сами.

© Тимофеева Т., 2026

© Автор, 2026

Татьяна Тимофеева

Перекрёсток

Пролог.

Стеклянная башня «БиоНовы» возвышалась над Токио, как игла, вонзённая в землю. В кабинете на последнем этаже было тихо — только гудел кондиционер да шуршал голографический экран, на котором медленно вращалась трёхмерная модель какой-то молекулы.

Доктор Хелена Каан стояла у окна и смотрела на город. Миниатюрная, изящная, в безупречном красном костюме, она казалась частью этого кабинета — такой же холодной, такой же совершенной. Ей был сорок один год, но выглядела она на десять лет моложе. Азиатские черты лица — тонкие, точеные — не выдавали ни усталости, ни эмоций. Только пальцы, сжимавшие чашку с зелёным чаем, чуть подрагивали. Но чай был горячим, и дрожь можно было списать на это.

Дверь открылась. Вошёл мужчина — высокий, лысый, со шрамами и тату на предплечьях. Он был её близнецом, но никто не дал бы им одного года рождения, не то что одного дня. Слишком разными они были. Слишком по-разному мир обошёлся с каждым.

— Список, — сказала Хелена, не оборачиваясь.

Тайрус положил на стол тонкую папку.

— Семьдесят восемь первокурсников. Шестеро представляют интерес.

— Только шестеро?

— Остальные — обычные студенты. Сильные, слабые, средние. Но эти шестеро... — он помолчал, подбирая слово, — они другие.

Хелена наконец повернулась. Поставила чашку на стол, взяла папку и открыла. Шесть фотографий — шесть лиц, выхваченных камерой наблюдения в Атриуме Цитадели в день прибытия. Бледный юноша с длинными чёрными волосами и глазами, которые смотрели куда-то мимо объектива. Светловолосый крепыш со свежим шрамом на ладони. Девушка с русой косой и нитью жемчуга на шее, улыбающаяся чему-то невидимому. Другая девушка — смуглая, с золотым маникюром и таким выражением лица, будто она уже знала всё, что ей скажут. Худой парень с взлохмаченными волосами, рисующий что-то маркером прямо на руке. И ещё одна — с кудрявыми прядями, выбивающимися из высокого пучка, и колодой карт в руке.

— Кто они?

Тайрус шагнул ближе и по очереди коснулся каждого снимка.

— Артур Уинтерборн. Некромант. Слышит мёртвых с восьми лет. Сестра погибла у него на глазах. Нестабилен, но потенциал огромен. Эриль Ирвинг. Рунный маг. Последний из древнего норвежского рода, который вырезали под корень. Ищет способ возродить наследие. Вера Назарова. Травница. С Алтая. Ученица старой знахарки, которая умерла при странных обстоя-

ятельстввах. Селин Деверо. Жрица вуду. Видит метки смерти. Воспитывалась в Новом Орлеане старой мамбо. Кай Такахаси. Хаосит и техномаг-самоучка. В четырнадцать лет провёл ритуал стирания памяти — и преуспел. Рина Раджани. Гадалка. Цыганка. Работает с Таро, но её дар под вопросом.

Хелена переводила взгляд с одного лица на другое.

— Они опасны?

— Пока нет. Но могут стать. — мужчина помолчал. — Они уже сблизились. В первый же день. Представь: некромант, травница, жрица вуду, рунный маг, хаосит и гадалка сидят за одним столом, как будто всю жизнь знали друг друга. Такого не было никогда.

— Именно поэтому они опасны. — Хелена закрыла папку и вернула её брату. — Если они докажут, что сотрудничество между четырьмя путями возможно, это станет прецедентом. Другие студенты начнут подражать. Маги перестанут бояться друг друга. Годы нашей работы рухнут как карточный дом. Разрозненность — наша прибыль.

Он кивнул.

— У нас есть двое на первом курсе. Я подготовил их лично.

— Этого мало. Подключи, ты знаешь, кого ещё. Пусть начнёт с малого — посеет недоверие, создаст пару конфликтов. Мы не можем допустить, чтобы Перекрёсток был примером единства и дальше.

Мужчина молчал. Он смотрел на фотографии шестерых студентов и думал о том, что они ещё дети. Что они не выбирали эту войну. Что они просто хотели учиться.

Но он ничего не сказал. Он любил сестру. И эта любовь была единственным, что имело значение.

— Я всё сделаю, — сказал он.

Хелена кивнула и отвернулась к окну. Внизу, в лабиринтах «БиоНовы», бывшие студенты Перекрёстка — исключённые, сломленные, отвергнутые — работали над формулами, которые никогда не должны были увидеть свет. А в кармане реальности, на Перекрёстке четырёх Путей, шестеро первокурсников сидели за ужином и смеялись над шуткой Кая, не подозревая, что их имена уже вписаны в список целей.

Игра началась.

Глава 1: Голоса

Ночь не была его союзником.

Артур знал это с восьми лет, когда впервые проснулся в холодном поту, а у его кровати стояла мёртвая соседка и просила передать мужу, где она оставила завещание. С тех пор ночь стала полем битвы, на котором он никогда не побеждал.

Сегодня ему снился морг.

Не тот, в котором чистая, светлая комната с кафельными стенами и запахом антисептика. Нет, ему снился его морг. Тот, который он построил сам в глубине своего сознания, когда понял, что голоса не уйдут. Это было место без стен и без пола, но с бесконечными рядами каталок, уходящих в темноту. На каждой — тело. И каждое что-то шептало.

Шёпот сливался в хор, а хор складывался в слова, а слова били по вискам, как пульс.

«Мы здесь. Мы ждём. Ты слышишь нас. Ты всегда нас слышал. Почему ты не отвечаешь?»

Артур проснулся от собственного крика.

Тишина в комнате была такой густой, что, казалось, её можно резать ножом. Он сел на кровати, тяжело дыша. Рубашка прилипла к спине. Часы показывали 03:47.

Снова.

Это началось в детстве. Сначала — просто тени в углах, которые он считал игрой воображения. Потом — голоса, которые он списывал на переутомление. Врачи говорили «стресс». Психиатры говорили «галлюцинации». Мать плакала. Отец молчал, а потом ушёл из семьи, оставив записку: «Я не могу жить с этим».

Слово «некромантия» Артур впервые услышал в четырнадцать лет от человека, который представился куратором «Ассоциации паранормальных исследований». Человек пришёл не через дверь, а через зеркало в ванной — просто вышел оттуда, стряхивая с плеча невидимую пыль, и сказал:

— Артур Уинтерборн, вы не больны. Вы одарены. И если вы не научитесь это контролировать, оно убьёт вас раньше, чем вам исполнится двадцать.

С тех пор прошло три года. Артур научился ставить ментальные блоки — слабые, ненадёжные, как дамба из песка во время наводнения, — но они работали. Днём он мог притворяться нормальным. Но по ночам блоки падали, и мертвецы возвращались.

Сегодняшняя ночь была особенной.

Потому что сегодня, в три часа сорок семь минут, его сестра Эмили перестала быть просто голосом.

Она стояла в дверях его спальни.

— Привет, Артур, — сказала она.

Она была точно такой же, какой он запомнил её в день похорон: бледное лицо, закрытые глаза, синее платье, которое выбрала мама. Только губы двигались.

— Ты ненастоящая, — сказал Артур. Голос у него не дрожал. Он натренировал его не дрожать.

— Конечно ненастоящая, — согласилась Эмили. — Но это не значит, что меня нет. Ты же знаешь правила. Ты сам их придумал.

— Я не придумывал правил. Я просто пытаюсь выжить.

— Выжить — это не то же самое, что жить. Ты не спишь уже которую ночь? Третью? Четвёртую?

— Пятую.

— Вот видишь. — Она сделала шаг вперёд. Артур не отодвинулся. — Ты держишь меня здесь, Артур. Не их. Не всех тех, кто шепчет. Меня. Ты не даёшь мне уйти, потому что думаешь, что виноват.

Он молчал.

— Это не твоя вина, — сказала она мягче. — Я попала под машину. Это был несчастный случай. Ты не мог меня спасти.

— Я мог. — Его голос наконец дал трещину. — Я стоял в десяти метрах. Я видел, как она ехала. Я мог крикнуть. Мог толкнуть тебя. Я просто... замешкался.

— Ты не замешкался. Ты боялся. Это разные вещи.

Артур закрыл глаза. Когда он открыл их, Эмили всё ещё стояла там.

— Уходи, — сказал он. — Пожалуйста.

— Я не могу. — Она покачала головой. — Ты держишь меня слишком крепко. Но есть место, где тебя научат отпускать.

— Я знаю. — Он потянулся к тумбочке и взял конверт. Тот самый, черный, серебряные чернила, без марок. — Перекрёсток.

— Ты поедешь?

— У меня есть выбор?

Эмили улыбнулась — впервые за всё время. Улыбка у неё была как раньше, до аварии, до всего. Живая.

— Выбор есть всегда, братик. Но этот — правильный.

Она начала таять. Не как дым — как утренний туман, когда восходит солнце. Последним исчезли глаза.

— Я буду ждать, — сказала она. — Не вечно. Но пока ты не научишься. Я буду ждать.

Артур остался в темноте один.

Через час он уже стоял в читальном зале Британской библиотеки, перед стеллажом с медицинскими трактатами. Пахло старой бумагой и воском. Лупа в его руке была холодной.

Он посмотрел сквозь неё на своё отражение в стеклянной дверце шкафа. Отражение моргнуло — отдельно от него.

— Я готов, — сказал Артур.

Стекло пошло рябью.

Он шагнул вперёд. Портал принял его, как холодная вода принимает ныряльщика: без брызг, без звука, без возврата.

Глава 2: Олень на скале

Алтай провожал её солнцем.

Майское утро только-только разгоралось над долиной — яркое, но ещё прохладное, пахнущее талым снегом с вершин и первой зеленью, пробивающейся сквозь прошлогоднюю хвою. Вера стояла на пороге родительского дома и смотрела, как свет заливает знакомые до каждой трещинки горы. Ей хотелось впитать в себя это тепло, унести с собой, как берут с собой горсть родной земли.

Дом был старый, рубленый, с резными наличниками, которые отец подновлял каждую весну. На подоконниках уже зеленела рассада — мама всегда начинала сажать в мае, даже если снег ещё лежал на северных склонах. У колодца грелась на солнце рыжая кошка Манька.

— Стоишь, красавица? — Мать вышла на крыльцо, вытирая руки о фартук. — Успеешь ещё надышаться. Иди, позавтракаем по-человечески.

Завтрак был долгим и вкусным — мама пекла блины, отец шутил, что «на казённых харчах так не накормят», младший брат Васька таскал из-под рук горячие лепёшки и обжигался. Вера смеялась, но внутри всё равно что-то щемило — светлая, лёгкая грусть перед дорогой. Она знала, что будет скучать по этому дому, по этому столу, по этому смеху.

После завтрака мать сама заплела ей косу — тугую, аккуратную, как учила её когда-то бабушка. Пальцы у мамы были тёплые и ловкие.

— Ты уж там, Вера, не теряйся, — сказала она, вплетая в косу зелёную ленту. — Люди везде хорошие есть. А плохие — так они тоже везде. Ты к людям с добром, и они к тебе потянутся.

Отец ждал у ворот. Он был невысокий, крепкий, с руками, привыкшими к топору и земле, и глазами — точь-в-точь как у Веры, зелёными, как лесной мох. В руках он держал свой старый охотничий нож в кожаных ножнах.

— Держи, — сказал он просто. — Ты у меня девочка смышлёная, но бережёного и духи берегут. Пригодится.

Вера взяла нож. Он был тёплым — отец, видно, долго держал его в ладонях, прежде чем отдать. Она обняла отца, потом мать, потом взъерошила Васькины волосы и пообещала привезти ему что-нибудь волшебное.

— Может, дракона? — спросил Васька с надеждой.

— Может, и дракона, — улыбнулась она.

Дорога к пещере была знакомой до последнего камня. Вера шла через лес, вдыхала запах нагретой хвои и слушала, как переговариваются птицы. Ей было хорошо. Немного тревожно, но хорошо — так, как бывает, когда стоишь на пороге чего-то большого.

Пещеру она нашла в детстве, когда ей было десять. Спряталась там от дождя и обнаружила наскальные рисунки. Позже она показала их бабе Нюре, старой знахарке, у которой училась травам и премудростям. Баба Нюра рисунки посмотрела и сказала: «Это место силы, Верочка. Таких на всю округу — по пальцам пересчитать. Храни его».

И Вера хранила. Приходила сюда каждое лето, разговаривала с нарисованными оленями, делилась секретами. Ей казалось, что они слушают.

Когда месяц назад под её подушкой появился зелёный конверт с коричневыми чернилами, она сразу поняла, куда идти. «Перекрёсток ждёт» — и координаты пещеры.

У входа она остановилась. Водопад ещё не проснулся после зимы, но лёд уже подтаивал, и капли срывались с сосуллек вниз, как первые ноты будущей весенней песни. Вера зажгла фонарик и вошла внутрь.

На стенах — знакомые рисунки. Олени, духи, шаманы с бубнами. И он — самый большой олень с ветвистыми рогами, пронзающими небо.

Вера подошла, коснулась ладонью камня. Он был тёплым, хотя вокруг — холодный гранит.

— Ну, здравствуй, — прошептала она. — Я вернулась. Только теперь — надолго уйду. Присмотришь за моими, пока меня нет?

Олень моргнул.

Каменный, тысячелетний рисунок — моргнул, и глаза его засветились мягким, медовым светом. Вера не испугалась. Она почему-то знала, что так будет. Воздух перед ней пошёл рябью, запахло влажной землёй и грозой, и открылась арка — золотая, тёплая, как летний вечер.

Вера оглянулась на вход, за которым остались горы, лес и дом. Потом улыбнулась, поправила рюкзак и шагнула вперёд.

Перекрёсток встретил её запахом.

Станным, незнакомым — смесью нагретого камня, молодой травы, воды и лёгкого электричества, как после грозы. Небо было слишком синим, почти нарисованным, и очень высоким. Солнце стояло в зените, хотя по алтайскому времени было ещё раннее утро.

Вера стояла на площади, вымощенной светлым камнем. В центре возвышалась Цитадель — квадратная крепость с четырьмя башнями по углам. Вокруг, на четыре стороны света, расходились дороги.

На севере чернели острые шпили — холодные, строгие.

На юге сиял белоснежный купол.

На востоке зеленела стеклянная стена оранжереи.

На западе кружилась буря вокруг металлической башни, пронзая небо молниями.

— Имя? — раздался голос за спиной.

Вера обернулась. Женщина в сером костюме, с планшетом в руках, смотрела на неё без удивления.

— Вера Назарова, — ответила она спокойно.

Женщина коснулась экрана.

— Дом Корней, Восток. Общий курс — в Цитадели. Сейчас вам нужно пройти в Атриум.

Вера кивнула и пошла к Цитадели. Высокие двери были открыты, и оттуда доносились голоса — молодые, взволнованные, но почему-то понятные. И от этого становилось легко.

Она не знала, что ждёт её впереди. Но здесь, под этим ярким небом, среди дорог, расходящихся на четыре стороны, она чувствовала: всё будет хорошо.

Глава 3: Золотые ногти

В Новом Орлеане даже утро пахнет ночью.

Селин шла по Французскому кварталу, и город уже проснулся — но не так, как просыпаются другие города. Он не стряхивал с себя темноту, а просто отодвигал её в тень галерей, под балконы с кованым кружевом, в узкие проулки, где ещё вчера звучал джаз. Пахло жасмином, свежим бельём, речной водой из Миссисипи и чем-то ещё — сладким и тяжёлым. Ром, выдохнутый сотней баров.

Селин любила этот запах. Он был запахом дома.

Она остановилась у витрины антикварной лавки, поправила волосы. Длинные, чёрные, они спускались ниже лопаток, и сегодня она распустила их — пусть лежат на плечах, как шёлковый плащ. В стекле отразилось её лицо: смуглая кожа, широкие скулы, полные губы, подведённые красным. И глаза — глубокие, почти чёрные, с золотой искрой, которая появлялась, когда она злилась. Или колдовала.

Она поднесла руку к стеклу, проверяя маникюр. Золотой — цвет Папы Легбы, цвет перекрётков и открытых дверей. На каждом ногте — крошечный орнамент, вева, которое она вывела сама. Не просто красота. Защита.

— Ты сегодня опоздаешь, — сказала она своему отражению.

Отражение ничего не ответило. Но где-то в глубине стекла, за её плечом, мелькнула тень — быстрая, как воспоминание о сне. Селин не обернулась. Она знала, что там никого нет. По крайней мере, из живых.

Её дар проявился поздно — в шестнадцать лет. Не как у этих несчастных, которых духи «оседлывают» и ломают, заставляя плясать под чужую дудку. Нет. К Селин духи пришли иначе.

Она просто начала видеть.

Сначала — синяки на коже людей. Не обычные, а те, что появляются за несколько дней до смерти. Потом — следы на вещах: кто касался этого кольца, с какими намерениями, кому оно принадлежало при жизни и кому — после. Потом — самих духов. Не всех, только тех, кто хотел быть увиденным.

Мадам Бриджит, старая жрица с Бурбон-стрит, назвала это «око Легбы». Легба — хранитель врат, тот, кто открывает двери между мирами. Он не вселяется в тело, он дарует зрение. И Селин стала смотреть.

— Ты — не лошадь, девочка, — сказала ей мадам Бриджит в первый же день. — Лошадей духи седлают. А ты — всадница. Запомни это.

Селин запомнила.

Теперь ей семнадцать. Высокая, с точеной фигурой, которую подчёркивало облегающее чёрное платье на бретельках — она знала, что выглядит сногшибательно, и не собиралась за это извиняться. На шее — кожаный шнурок с зубом аллигатора, подарок наставницы. На

запястьях — браслеты с бусинами-гри-гри. В сумочке — мел, ром в маленькой фляжке, табак и кости для гадания.

Она шла к мадам Бриджит. Старуха вызвала её сама — коротким сообщением: «Пора».

Лавка «У Папы Легба» пряталась в боковой улочке, между баром с живым блюзом и пекарней, где пекли оладьи с крабом. Вывеска старая, деревянная, с изображением старика в соломенной шляпе. Дверь открылась без скрипа.

Внутри пахло сандалом, ромом и табаком. На полках — банки с травами, свечи, черепа мелких животных, бутылки с цветными порошками. У стены — алтарь: фигурка Папы Легбы с тростью, подношения в виде сладостей и монет, дымящаяся сигара.

Мадам Бриджит сидела за прилавком, перебирая амулеты. Старая, морщинистая, с глазами, в которых плясали бесы.

— Ты надушилась, — сказала она вместо приветствия. — Жасмин. Хорошо. Легба любит жасмин.

— Ты сказала «пора», — ответила Селин, садясь напротив. — Пора что?

Мадам Бриджит отложила амулеты и посмотрела на неё долгим взглядом.

— Твой дар растёт, дитя. Ты уже не просто видишь метки — ты их читаешь. Вчера ты сказала старому Жаку, что он умрёт до конца месяца, и он прожил два дня. Ты предупредила Марту о проклятии на её доме, и она успела уехать до того, как стены рухнули. Ты вмешиваешься.

— А разве это плохо?

— Это опасно. — Мадам Бриджит поднялась, обошла прилавок и взяла Селин за подбородок сухими, но сильными пальцами. — Ты красивая, умная, дерзкая. И ты думаешь, что знаешь границы. Но ты их не знаешь. Ты ещё ни разу не заглядывала туда, куда смотреть нельзя. А если заглянешь — кто тебя остановит?

Селин молчала.

— Есть место, где таких, как ты, учат, — продолжила старуха. — Оно называется Перекрёсток.

— Я слышала о нём, — тихо сказала Селин. — Думала, это легенда.

— Легенды — это просто вещи, которые ещё не случились с тобой. — Мадам Бриджит отпустила её лицо. — Ты готова. Я открою тебе дорогу.

Портал открывался в задней комнате.

Здесь было темно и душно. Мадам Бриджит зажгла свечи, начертила мелом на полу ве́ве — знак Легбы, — и положила в центр подношение: три медные монеты, горсть табака и маленькую тыквенную бутылочку с ромом.

Селин стояла у стены, сжимая сумочку обеими руками. Сердце билось часто, но она не показывала страха. Она — всадница, не лошадь. Она сама выбирает дорогу.

— Повторяй за мной, — сказала мадам Бриджит и запела.

Это была старая песня на креольском — гортанная, ритмичная, как биение сердца. Селин подхватила мотив. Воздух в комнате сгустился, стал плотным, как патока, а потом пошёл рябью.

В центре ве́ве, прямо над подношением, раскрылась арка. Она была не золотой и не серебряной — она была цвета индиго, глубокого, как ночное небо над заливом. От неё пахло влажной землёй и грозой.

— Иди, — сказала мадам Бриджит. — Легба открыл тебе дверь. Не заставь его ждать.

Селин поправила волосы, одёрнула платье и пошла. У самого порога она обернулась.

— Мадам Бриджит? Спасибо.

Старуха усмехнулась.

— Не благодари, пока не увидишь, куда попала. А теперь иди. И помни: ты — всадница. Не лошадь.

Селин кивнула и шагнула в индиго.

Перекрёсток встретил её звуками.

Вера слышала бы тишину. Артур — голоса. А Селин слышала ритм. Не барабаны, нет — что-то более тонкое. Биение этого места, его пульс. Он был быстрым, молодым, полным силы.

Она стояла на площади, вымощенной светлым камнем, и смотрела на четыре дороги. Чёрные шпили на севере. Белый купол на юге. Зелёные стены на востоке. Буря на западе. И Цитадель в центре.

Селин улыбнулась. Здесь было красиво. По-своему, странно, но красиво.

— Имя? — спросила женщина с планшетом.

— Селин Деверо.

— Дом Кости, Север. Общий курс — Цитадель. Сейчас вам нужно пройти в Атриум.

Дом Кости. Ну конечно. Там, где тьма. Там, где смерть. Там, где её дар будет к месту.

Она пошла к Цитадели, цокая каблуками по каменным плитам. Высокие двери были открыты, и там, внутри, уже слышались голоса. Селин поправила причёску и вошла.

Пусть смотрят. Она готова.

Глава 4: Последний костёр

Ледник говорил с ним на языке, который он понимал без слов.

Эриль стоял у подножия Йостедалсбреена и смотрел, как ветер гонит по насту колючую снежную пыль. Холод кусал открытые участки кожи — скулы, запястья, — но он не ёжился. Он вырос в этом холоде. Вернее, холод вырастил его: сделал мускулистым, подтянутым, выносливым. В восемнадцать лет он выглядел как человек, который уже знает цену всему, потому что потерял почти всё.

Ледник был старым. Таким же старым, как руны на его дедовом наборе, вырезанные на камне. Таким же старым, как саги, которые он помнил наизусть — на языке, который в мире почти не осталось тех, кто мог бы его понять.

Где-то внизу, в трёх часах ходьбы, стоял дом, где он вырос. Пустой. Дед, единственный оставшийся в живых, увёз его далеко на север и вырастил в доме у фьорда, вдали от глаз.

Дед умер год назад. И теперь Эриль был последним.

Последним Ирвингом. Последним хранителем рун. Последним, кто говорил на языке рода.

Он снял рукавицы. Пальцы тут же обожгло морозом, но он не поморщился. Физическая боль была честной — с ней можно было работать. Гораздо страшнее была боль внутри, с которой он ничего не мог поделать.

«Я — последний, и моя кровь недостаточно сильна».

Эта мысль жгла его каждую ночь. Дед передал ему азы, но многое ушло вместе со старшими до того, как Эриль успел вырасти. Он знал руны, умел работать с ними, но глубокие ритуалы — те, что воскрешали род, те, что говорили с предками, — были для него закрыты. В его крови была сила, но не было ключа.

Самая страшная руна — руна Воскрешения Рода — требовала принести в жертву «то, что он любит больше себя». И Эриль боялся. Не боли, не смерти. Он боялся, что ему просто нечего принести. Что он никогда никого не любил так сильно. Что его гордость и дисциплина — это просто стены, за которыми нет дома.

Он достал нож — старый, с рукоятью из китовой кости.

Руна «Кеназ» — огонь.

Он вырезал её на тыльной стороне левой ладони. Медленно, тщательно. Кровь выступила алыми бусинами и почти сразу замёрзла, превратившись в рубиновые капли на бледной коже. Эта ладонь уже была покрыта шрамами — карта его жизни, написанная остриём.

Лёд треснул.

Трещина разошлась от его руки, как паутина, и внутри неё клубилась тьма. Не холодная — нейтральная, как сени между мирами. Пахнуло влажной землёй, грозой и чем-то чужим. Перекрёсток звал его.

Эриль не торопился.

Он вытер нож о снег, убрал его в чехол и достал из внутреннего кармана куртки блокнот — маленький, в потёртом кожаном переплёте. На первой странице почерком деда было выведено: «Скальд не тот, кто слагает стихи. Скальд — тот, кто хранит память».

Он открыл его на последней записи и перечитал строки, которые написал вчера ночью при свете очага:

«Я — последний костёр на холодном ветру.
Но пока я горю, род мой жив.
Предки смотрят сквозь лёд и ждут моего шага.
Я не знаю, достоин ли. Но я иду».

Он закрыл блокнот и спрятал обратно. Никто не знал о стихах. Для мира он был воином: молчаливым, суровым, дисциплинированным. Стихи — это слабость. Так говорили те, кто не понимал. Но дед учил его другому: «Слово — это руна. Руна — это слово. Поэзия — это магия, которую нельзя украсть».

Эриль оглянулся на фьорд, на серую воду и чёрные скалы. Где-то там осталась могила деда — простая каменная плита с вырезанной руной «Отала», руной рода. Он не знал, когда сможет вернуться.

— Я найду ключ, — сказал он вслух. Ветру. Льду. Предкам. — Я найду его, или умру, пытаюсь.

И шагнул в трещину.

Перекрёсток встретил его тишиной. Не мягкой, не тёплой — суровой, как горное плато перед бурей. Эриль стоял на площади, вымощенной светлым камнем, и смотрел на четыре дороги.

На севере чернели шпили — острые, холодные. Они напоминали ему скалы Хьёрунн-фьорда, где, по легендам, жили ётуны. На юге сиял белый купол — чужой, слишком чистый. На востоке зеленела стеклянная стена, и за ней угадывалась жизнь — буйная, влажная, не его.

А на западе...

Запад он узнал сразу. Металлическая башня, пронзающая небо, вокруг которой кружилась вечная буря. Молнии били в шпиль, но не разрушали его, а питали. Там была сила — грубая, стихийная, та, что подчиняется только воле. Там был Дом Бури.

Там будет его новый дом.

— Имя? — спросила женщина в сером костюме, подходя с планшетом.

— Эриль Ирвинг.

— Дом Бури, Запад. Общий курс — Цитадель. Сейчас вам нужно пройти в Атриум.

Он кивнул и пошёл к Цитадели. Окровавленная рука всё ещё сжимала рукоять невидимого меча — привычка, которую он не замечал.

Проходя мимо каменной скамьи у входа, он заметил что-то на краю. Крошечную фигурку, вырезанную из кости. Ворон. Кто-то оставил его здесь — случайно или намеренно, было не понять. Но ворон смотрел на него живым глазом, и Эриль вдруг ощутил странное, давно забытое чувство.

Любопытство.

Где-то здесь были другие, говорившие на языке символов.

Он вошёл в Цитадель.

Глава 5: Пользователь

Кай не спал.

Это не было чем-то новым — он не спал уже которую ночь? Пятую? Шестую? Сон был переоценён. Сон был для тех, у кого не было кода, который нужно дописать, и демонов в процессоре, и странного сигнала, который третий день ломился в его ноутбук, как гость, не понимающий слова «занято».

Он сидел в своей капсуле — пластиковом ящике размером с гроб, — поджав ноги, и смотрел в экран. Вокруг него, за тонкими стенами, спали другие люди: бизнесмены, студенты, туристы, неудачники. Токио не спал никогда, но его обитатели иногда отключались, чтобы не сгореть.

Кай не боялся сгореть. Он боялся остановиться.

Пальцы летали над клавиатурой. Он правил код, тот самый, который начал писать две недели назад и не мог закончить. Код был особенным. Не просто программа — это был сигил. Магия, вплетённая в высокоуровневый язык программирования общего назначения, заклинание, которое он стянул с тёмного форума, переписал, докрутил и теперь пытался заставить работать.

Системное сообщение всплыло в углу экрана:

«Аномальная активность. Зафиксирован входящий сигнал. Источник: неизвестен. Принять? Да / Нет»

— Ты опять, — пробормотал Кай.

Сигнал приходил третьи сутки. Сначала он думал — вирус. Потом — что его ломают. Потом, просканировав сигнал вдоль и поперёк, он понял странное: сигнал не был похож ни на что из того, что он знал. Он не шёл из сети. Он шёл сквозь сеть. Как нож сквозь масло.

И он был адресован ему. Лично.

Кай ткнул в «Да».

Экран вспыхнул.

Не белым, не синим, не чёрным — цветом, у которого не было названия. Цветом, который можно только почувствовать: холодным, как ментол, и горячим одновременно. Капсула вокруг него исчезла. Он висел — или падал? — в потоке данных. Буквы, цифры, символы, обрывки кода на всех языках мира. Они текли сквозь него, как вода сквозь пальцы, и он чувствовал каждую единицу информации — её вес, её вкус, её запах.

— Добро пожаловать, пользователь, — пронеслось в голове. Голос был бесполом, спокойным, как у навигатора в метро. — Ваш профиль загружен. Факультет: Хаос. Подтвердите согласие на перенос.

— Эй, — сказал Кай вслух, хотя вокруг не было воздуха. — А где пользовательское соглашение? Где галочка «я принимаю условия»? Я вообще-то юрист по образованию. Ну, мог бы быть, если бы пошёл в универ.

— Вы не пошли в университет, пользователь. Вы бросили школу в пятнадцать лет.

— О, так ты ещё и следишь за мной. Круто. Просто отлично. Сталкер в матрице.

— Я не сталкер. Я — координатор портала. Ваш перенос согласован. Факультет: Хаос. Подтвердите согласие.

Кай завис. В прямом смысле — поток данных перестал течь, и он просто парил в цветной пустоте. Хаос. Они хотят, чтобы он пошёл на Хаос. Это звучало... правильно. И неправильно одновременно.

Он вспомнил тот день, когда стёр себя. Ему было четырнадцать. Он сидел в этой же капсуле — или в такой же, они все одинаковые, — и нашёл в даркнете ритуал. Не магию, нет, тогда он ещё не верил в магию. Просто странный текст на смеси санскрита, двоичного кода и математических формул. Ритуал обещал «освобождение от боли привязанностей».

А он хотел освободиться. Потому что боль была — глухая, давящая, непонятная. Потому что мать ушла, когда ему было шесть. Потому что отец работал на трёх работах и не замечал его. Потому что мир был слишком громким и слишком чужим.

Он провёл ритуал. И это сработало.

Боль ушла. Но вместе с ней ушли и воспоминания. Запах риса, который готовила мать. Её лицо — он помнил только размытый силуэт. Свой собственный смех в детстве. Он стёр себя, как файл, который занимал слишком много места, а потом понял, что удалил системные данные.

— Я подтверждаю, — сказал Кай.

— Перенос активирован. Добро пожаловать в Перекрёсток, пользователь.

— И перестань называть меня пользователем. У меня есть имя.

— Имя: Кай Такахаси. Принято. Удачного пути, Кай.

Поток данных подхватил его и понёс, как волна. Он видел мелькающие образы: горы, ледник, тёмные шпили, золотая арка, индиго-портал, а потом всё схлопнулось в точку и взорвалось тишиной.

Перекрёсток встретил его запахом.

Кай стоял на каменной площади, под слишком синим небом, и втягивал воздух, как собака, потерявшая след. Пахло нагретым камнем, травой, озоном и чем-то сладким — то ли жасмином, то ли ромом. Где-то вдали грохотала буря.

Он огляделся. Четыре дороги. Четыре здания. Чёрное, белое, зелёное и синее, окутанное ветром и молниями. Дом Бури. Его новый дом.

— Ну, — сказал он сам себе, — хотя бы не скучно.

— Имя? — раздался голос.

Кай обернулся. Женщина в сером костюме, планшет, скучающий взгляд.

— Кай Такахаси. Можно просто Кай. Или «эй ты». Или «пользователь», как меня тут один назвал.

Женщина не улыбнулась.

— Дом Бури, Запад. Общий курс — Цитадель. Сейчас вам нужно пройти в Атриум.

Он пожал плечами и пошёл к Цитадели. Высокие двери были открыты. Оттуда доносились голоса — живые, настоящие. Кто-то смеялся, кто-то спорил на непонятном языке, который магия Перекрёстка превращала в смысл.

У входа он остановился и посмотрел на экран смартфона. Сигнала не было. Совсем. Ни одной полоски.

— Та-а-ак, — протянул Кай. — Значит, вай-фая нет. Придётся создавать свой.

Он достал из кармана маркер, которым обычно подписывал диски, и быстро нарисовал на тыльной стороне ладони сигил — простой, но действенный, тот самый, который всегда помогал ему найти сеть в самых глухих местах. Сигил слабо засветился.

— Вот так, — сказал он. — Цивилизация.

И вошёл в Цитадель, насвистывая тему из «Призрака в доспехах».

Внутри было светло и просторно. Атриум — огромный зал с потолком, теряющимся в высоте, — был полон людей. Точнее, подростков. Первокурсников, таких же потерянных и взволнованных, как он сам. Кто-то стоял с чемоданами, кто-то сидел на каменных скамьях, кто-то уже оживлённо болтал, будто знал друг друга всю жизнь.

Кай шёл сквозь толпу, вертя головой. Он искал — что? Он не знал. Но что-то внутри него искало. И наткнулось.

У дальней стены, в стороне от всех, стояли четверо.

Высокий парень с бледным лицом и ямочкой на подбородке — он смотрел в пол, будто боялся поднять взгляд. Рядом — девушка с длинной русой косой и зелёными глазами, которая что-то тихо ему говорила. Чуть поодаль — ещё одна девушка, с тёмной кожей, в черном обтягивающем платье, с идеальным маникюром и таким выражением лица, будто она владелица помещения. И ещё один парень, мускулистый, высокий, светловолосый, с перевязанной рукой — он стоял молча, но его присутствие ощущалось как каменная стена.

Кай не знал их имён. Он вообще ничего о них не знал. Но что-то внутри него — то ли интуиция, то ли глюк в прошивке, то ли остатки памяти, которую он сам стёр, — сказало ему: «Вот они».

Он подошёл.

— Привет, — сказал он на английском с лёгким акцентом. — Я Кай. Вы тоже не знаете, где здесь вай-фай?

Бледный парень поднял серые глаза. Девушка с косой улыбнулась — светло, открыто. Девушка в чёрном приподняла бровь. А мускулистый просто кивнул.

И Кай вдруг почувствовал то, чего не чувствовал очень давно.

Что он, возможно, нашёл сеть. Настоящую.

Глава 6: Карта Судьбы

Последний вагон поезда «Бухарест — Вена» пропах дешёвым табаком, чесноком и старыми деньгами. Рина сидела, скрестив ноги на продавленном сиденье, и тасовала карты. Пальцы, унизанные серебряными кольцами, двигались сами по себе — быстро, ловко, как у фокусника. Впрочем, она и была фокусницей. Отчасти.

Перед ней сидел мужчина — толстый, потный, с золотой цепью на шее и глазами, которые пытались раздеть её, но натыкались на колючую проволоку её улыбки.

— Ещё раз, красавица. Скажи, что меня ждёт в Вене.

Рина бросила на него короткий взгляд, который ничего не весил и стоил не дороже медяка. Потом взглянула на карты. Те легли именно так, как она ожидала: Башня вверх ногами, Двойка Мечей, а в сердце расклада — Шут.

— В Вене тебя ждёт женщина, — сказала она лениво. — Блондинка. Она скажет, что любит тебя. Но в её сумке будет контракт, который ты не читал. Подпишешь — потеряешь треть состояния. Не подпишешь — потеряешь её. Выбор, сахарный, всегда за тобой.

Мужчина побледнел, потом покраснел, потом бросил на стол смятую купюру и выскочил из купе, бормоча что-то про «ведьму». Рина усмехнулась, разгладила купюру и сунула её в карман длинной юбки, туда, где уже лежали другие.

Никакой магии. Холодное чтение, психология и капля наглости. Этому её научила бабка Зара, старая цыганка, которая вырастила её после того, как родители сгинули где-то в дорожных передрягах. «Мир делится на дураков и тех, кто им гадает», — говорила Зара. — «Выбери, кем быть».

Рина выбрала и то, и другое.

Но был у неё и дар. Настоящий. Не тот, что показывают за деньги.

Карты Таро в её руках не просто лгали — они иногда говорили правду. Такую, от которой у клиентов волосы вставали дыбом. Рина не любила эту часть дара. Она не хотела знать будущее. Она хотела его создавать сама.

Когда поезд дёрнулся и за окнами поплыли огни венского вокзала, она заметила, что одна карта выпала из колоды. Та, которую она не доставала. Та, которой вчера ещё не было в колоде.

Звезда.

Но вместо знакомого изображения женщины с кувшинами, льющей воду в реку, на карте был нарисован перекрёсток двух дорог под слишком синим небом. И в центре — квадратная цитадель с четырьмя башнями.

Рина перевернула карту. На обороте серебряными чернилами, которые светились в темноте, было написано одно слово: «Пора».

— Что ж, — сказала она сама себе, — хоть какое-то разнообразие.

Портал открылся неожиданно.

Она вышла на перрон, вдохнула влажный венский воздух, и вдруг пространство перед ней пошло рябью. Прямо в центре вокзальной суеты, где никто ничего не замечал, раскрылась арка. Но не та, что у Веры или Селин. Эта была свита из звёздного света — мерцающая, как Млечный Путь, и пахнущая озоном.

— Значит, опять без билета, — усмехнулась Рина и шагнула в звёзды.

Перекрёсток встретил её тишиной — но какой-то звонкой, как после удара в колокол.

Рина стояла на площади и вертела головой, оценивая обстановку. Так она делала всегда на новом месте: входы, выходы, кто главный, кого лучше не злить, у кого есть деньги. Чёрные шпили на севере? Интересно. Белый купол на юге? Слишком чистенько. Зелень на востоке? Скучно. А вот запад...

Запад был безумным — молнии, вихри, хаос. Ей это нравилось. Но карта, выпавшая в поезде, показывала не запад. Она показывала юг. Белый купол под полуденным солнцем.

— Что ж, Звезда так Звезда, — вздохнула она.

— Имя? — Женщина в сером костюме возникла из ниоткуда, как плохая привычка.

— Раджани. Рина Раджани.

— Дом Ясности, Юг. Общий курс — Цитадель. Сейчас вам нужно пройти в Атриум.

Она поправила платок на голове, проверила серьги, одёрнула юбку и направилась к Цитадели. Но шла она не как все — прямо, открыто. Она шла крадучись, по касательной, изучая всё вокруг. Привычка.

В Цитадели было шумно.

Рина вошла в атриум и сразу заметила их. Пятеро, стоящие чуть в стороне от общей толпы, как будто невидимая нить уже связала их в узел. Бледный парень с серыми глазами. Светловолосый крепыш. Девушка с косой и тёплым взглядом. Другая — с ногтями, похожими на когти хищной птицы. И ещё один — худой, взъерошенный, который что-то рисовал на руке маркером.

Они говорили о чём-то — кажется, о вай-фае?

Рина не подошла. Она прислонилась к колонне, достала карты и начала тасовать их. Просто чтобы занять руки. Одна карта выпала и спланировала на каменный пол. Она наклонилась, подняла.

Шестёрка Жезлов. Победа. Но на карте, в толпе ликующих людей, она заметила пять фигур, которых раньше там не было. Бледный, светлый, коса, ногти, взъерошенный. И шестая — в стороне, наблюдающая.

— Интересно, — прошептала Рина. — Очень интересно.

Она спрятала карту в рукав и осталась стоять у колонны. Индивидуалистка. Наблюдательница. Та, что вступает в игру только тогда, когда знает правила. Или когда решает их нарушить.

Глава 7: Слово Хранителя

Атриум Цитадели гудел, как вокзал в час пик.

Первокурсники прибывали один за другим — из зеркал, из трещин во льду, из звёздных арок, из цифровых потоков, из каменных порталов и индиго-врат. Кто-то растерянно озирался, кто-то уже знакомился, кто-то сидел на чемоданах, как на спасательных плотках. В воздухе смешивались десятки языков, но магия Перекрёстка превращала их в понятный гул. Пахло деревом, старым камнем, чужими духами и свежей выпечкой — где-то рядом, видимо, была кухня.

Шестеро, сами того не замечая, уже стояли чуть ближе друг к другу, чем к остальным. Артур, бледный и молчаливый, с серебряным браслетом на запястье. Вера с русой косой, всё ещё сжимающая лямки рюкзака. Селин, поправляющая и без того идеальные волосы. Эриль, неподвижный, как скала, с окровавленной повязкой на ладони. Кай, который пытался поймать сеть на свой сгилл. И чуть поодаль — Рина, прислонившаяся к колонне, с картами в руках.

— Слушайте, — вдруг сказал Кай, отрываясь от телефона, — а кто тут вообще главный? Должен же быть кто-то, кто объяснит правила. Ну, типа, где столовая, когда отбой, можно ли вызывать мелких демонов после полуночи...

— Нельзя, — коротко бросил Артур, не поднимая глаз.

— Откуда ты знаешь?

— Я бы запретил.

Эриль хмыкнул — коротко, почти беззвучно, но это был первый звук, который он издал с момента прибытия. Вера улыбнулась, а Селин приподняла бровь.

— Итак, — протянула она, — наш бледный друг у нас эксперт по демонам. Уже интересно.

Артур хотел ответить что-то колкое, но не успел.

Голос ударил, как гонг.

Он не был усилен магией — он просто был. Глубокий, раскатистый, с лёгкой хрипотцой, но при этом совершенно чёткий. Он прокатился по Атриуму от стены до стены, и гул голосов мгновенно стих.

— Добро пожаловать в Перекрёсток.

На верхней площадке широкой каменной лестницы, ведущей в глубину Цитадели, стоял человек. Вернее, он не стоял — он возвышался.

Два метра роста. На широких плечах — строгий чёрный китель. Длинные полы, серебряные нити... Это была не форменная вышивка — в узорах таилась древняя рунная магия. Лицо — суровое, с мягкими чертами, но не жестокое. Высокий лоб, прямой нос, плотно сжатые губы. А волосы... Они были чёрными, как вороново крыло, но седина уже тронула виски и протянулась серебряными нитями по всей длине — не признак старости, а знак опыта. Ему можно было дать лет тридцать семь, не больше, но что-то в его взгляде говорило, что он видел гораздо, гораздо больше.

Ректор.

Он обвёл Атриум взглядом зеленых глаз — спокойным, но таким, под которым хотелось втянуть голову в плечи. Даже Рина, не привыкшая к авторитетам, на мгновение перестала тасовать карты.

— Меня зовут Арне Варг, — произнёс он неторопливо, будто каждое слово имело вес. — Я Хранитель Перекрёстка. Ректор этой Академии. Для одних — наставник. Для других — тот, кого лучше не разочаровывать. — Он выдержал паузу, позволяя сказанному осесть в воздухе. — Советую оказаться среди первых.

По толпе прокатился нервный смешок. Ректор не улыбнулся, но что-то в его глазах дрогнуло.

— Вы прибыли сюда из разных концов света. Кто-то — через лёд, кто-то — через огонь. Кто-то — через код, — его взгляд на мгновение задержался на Кае, и тот, сам не зная почему, выпрямился. — Вы говорите на разных языках, исповедуете разные традиции, поклоняетесь разным богам или не поклоняетесь никаким. Здесь это не имеет значения.

Он начал спускаться по лестнице. Ступени под его ногами переливались мраморным блеском.

— Перекрёсток — нейтральная территория. Он был создан четыре века назад магами пяти традиций, чтобы у их потомков было место, где можно учиться. Не воевать. Не обращаться в свои традиции. Не доказывать превосходство своей магии над чужой. — Он остановился на середине лестницы. — Учиться.

Эриль слушал, не шевелясь. Его рука всё ещё сжимала невидимую рукоять, но хватка ослабла. Варг говорил правильные вещи. Слова, которые ему хотелось бы услышать от собственного отца, если бы тот выжил.

— Запомните главное правило, — продолжил ректор. — На Перекрёстке нет «чёрной» и «белой» магии. Есть Пути. Север — Дом Кости. Юг — Дом Ясности. Восток — Дом Корней. Запад — Дом Бури. Каждый из вас через год выберет свой Путь. Или Путь выберет вас.

Он спустился до конца и теперь стоял на одном уровне с первокурсниками. И, несмотря на свой внушительный рост, не смотрел на них свысока. Его взгляд не нуждался в высоте: он проникал дальше, чем позволяла обычная человеческая зоркость. Он смотрел не на лица — он смотрел в самую их суть, словно считывал нити судеб, едва сплетённые и ещё хрупкие.

— Прежде чем вы начнёте учёбу, вы должны понять три вещи. Первое: почему вы здесь. Второе: где вы находитесь. Третье: почему вы понимаете друг друга, хотя говорите на разных языках.

Он сделал паузу:

— Начну с конца, — произнёс он так, словно эти слова повторял уже сотни раз, но каждый раз заново открывал их смысл. — Вы понимаете чужую речь. Не ищите здесь магии Перекрёстка — она не в этом. Магия живёт в языке, а точнее — в намерении, что стоит за каждым словом. Это древняя связь: один говорит, другой слышит, и между ними протягивается невидимая нить. Перекрёсток лишь делает её слышной. Вы воспринимаете суть, а не перевод. Но знайте: письменные тексты вне этой магии. Как и формулы. Они говорят на другом языке — на языке знаков, и к нему нужен иной ключ.

— Теперь — где вы находитесь. — Варг обвёл рукой пространство Атриума. — Перекрёсток — это не другое измерение в привычном смысле. Это карман. Складка реальности, созданная четыре века назад пятью основателями. Представьте ткань. Натяните её. А теперь зажмите пальцами и потяните в сторону — получится небольшой пузырь, отделённый от основной материи, но всё ещё связанный с ней. Этот пузырь — Перекрёсток. Мы находимся внутри мира, но не принадлежим ни одной стране, ни одной юрисдикции. Попастъ сюда можно только через порталы. Выйти — только с разрешения. Здесь свои законы, свои правила и своя погода.

— Теперь главное: почему вы здесь. Вы все — носители дара. У кого-то он проявился в детстве. Кто-то узнал о нём только вчера. Но каждый из вас чувствовал: с ним что-то не так. Слишком громкие голоса. Слишком яркие сны. Слишком странные совпадения. Вы не больны. Вы одарены.

Он посмотрел прямо на Артура. Всего на мгновение, но Артур почувствовал, как внутри что-то дрогнуло.

— Дар, оставленный без развития, опасен, — сказал он без пафоса, и от этой простоты слова прозвучали ещё весомее. — Представьте огонь, который не держат в очаге. Он не служит, он разрушает. Вот почему вы здесь. Вы будете учиться не только своему основному Пути — тому, который выберете через год. Вы будете осваивать и смежные дисциплины. Некромант обязан понимать целительство. Травник — разбираться в астрологии. Стихийник — знать этику.

Потому что настоящая сила — не в одной способности. Она — в умении соединить разные знания, сделать их опорой друг для друга. Сила — в балансе.

Он помолчал, давая словам осесть.

— Вы прибыли из разных стран, — голос ректора звучал ровно, но в нём чувствовалась сталь. — Вы несёте с собой разные культуры, разные традиции, разную магию. Для кого-то руны — священные символы предков, голос крови. Для кого-то — просто буквы древнего алфавита, не более. Для одних духи — члены семьи, те, с кем говорят по вечерам. Для других — лишь суеверие, тень прошлого.

Здесь вы будете жить бок о бок с теми, кто видит мир иначе. Это трудно. Порой — невыносимо. Но именно это и есть единственный способ научиться.

Помните: магия, запертая в одной башне, умирает. Магия, разделённая с другими, живёт вечно. И ваша задача — не сохранить свою истину в неприкосновенности, а найти, где она соприкасается с чужой.

Ректор обвёл взглядом притихший зал и вдруг чуть усмехнулся — той самой усмешкой, которая делала его суровое лицо почти тёплым. В этот миг в нём проступило что-то человеческое: не властный Хранитель, не грозный ректор, а просто человек, который понимает, как страшно стоять на пороге нового. И этой крошечной улыбки хватило, чтобы напряжение в зале чуть ослабло.

— А теперь — правила, — голос ректора стал суше, будто из него выветрилась вся теплота недавней усмешки. — Их немного, но нарушать их я не советую. Здесь каждое правило написано не чернилами, а чужими ошибками.

— Более подробно о правилах вам расскажет Мисс Дорин, — он чуть кивнул куда-то в сторону, и в полумраке бокового прохода мелькнула строгая фигура в сером костюме. — Передаю слово ей.

Ректор отступил на шаг, будто намеренно освобождая пространство. Теперь центром внимания стала она — Мисс Дорин. Она вышла вперёд неторопливо, без лишней суеты, но каждый её шаг звучал в тишине зала как ещё одно негласное правило.

На возвышение поднялась женщина, которую все уже знали. Серый брючный костюм без единой складки. Волосы убраны в строгий пучок. Планшет в руке. Взгляд, под которым хотелось вытянуться по струнке и отчитаться о проделанной работе.

Мисс Дорин обвела зал глазами — спокойными, цепкими, ничего не упускающими. Когда она заговорила, её голос был сухим и чётким, как строчка из устава:

— Ректор Варг поведал вам о высоком. Я поведаю о том, как не умереть раньше времени. Слушайте внимательно. Повторять не буду.

Она коснулась планшета, и в воздухе перед ней развернулась полупрозрачная проекция — план Цитадели.

— Первое. Боевые заклинания запрещены в Цитадели. Даже если ваш сосед храпит так, что мертвецы встают из могил, вы не имеете права запустить в него файербол. — это считается уже не бытовым конфликтом, а несанкционированным ритуалом.

В зале кто-то нервно кашлянул. Мисс Дорин не улыбнулась.

— Стены Цитадели помнят многое. В том числе и то, как один студент пытался «успокоить» шумного соседа ледяным копьём. В итоге успокоились все — включая водопровод, который замёрз до весны. Ремонт, разумеется, оплачивался семьёй. Или отработкой. Угадайте, что выбрал студент? Лопату.

Она чуть наклонила голову, будто проверяя, дошло ли. Мисс Дорин провела пальцем по планшету, и проекция сместилась на схему открытой площадки.

— Второе. Единственное место на территории, где разрешены дуэли и боевая практика, — Арена Стихий. Она находится за Цитаделью, в стороне от основных корпусов. Там вы можете выяснять отношения, тренироваться и демонстрировать силу. В присутствии преподавателя. С его письменного разрешения. После заполнения трёх форм допуска. Техника безопасности — это не скучно. Это то, что отделяет вас от лазарета.

Кай тихонько пихнул Эриля локтем:

— Три формы. Они серьёзно.

Эриль промолчал, но уголок его губ дрогнул в улыбке.

— А ещё говорили, что Академия — это свобода познания, — пробормотал он едва слышно. — Видимо, свобода строго по расписанию и в трёх чётко утверждённых формах.

Кай хмыкнул, стараясь не рассмеяться в голос:

— Главное, чтобы на экзамене не спросили, в какой именно форме я осознал суть бытия.

— Третье. Комендантский час. После полуночи — только комнаты или общие зоны. Никаких исключений.

Мисс Дорин щёлкнула пальцами, и за её спиной вспыхнула карта Цитадели: тонкие линии освещённых дорожек светились ровным жёлтым светом, а всё вокруг них тонуло в чернильной тьме.

— Выход за пределы освещённых дорог запрещён. После полуночи граница с астралом истончается.

По тёмным участкам карты медленно поползли алые всполохи, похожие на дым.

— Это Блуждающие. Они не духи и не призраки. Это энергия, которая ищет, чем питаться. Их пища — ваш страх. Они могут высосать ваш магический резерв, оставив вас «пустым сосудом». Знаете, что происходит с магом, который теряет связь со своей силой? Он сходит с ума или умирает, зависит от уровня жизненной силы мага.

Артур побледнел. Для него тишина была желанной, но не такой ценой.

— И как защититься? — неожиданно для себя спросил он.

— Первое и главное: не выходить из круга фонарей. По всему Перекрёстку расставлены фонари с магическим огнём. Их свет держит Блуждающих на расстоянии. Если вы оказались в лесу ночью, ищите ближайший фонарь. Второе: якорь. Носите с собой предмет, который вызывает у вас сильные эмоции. Не страх — радость, любовь, теплоту. Блуждающие не переносят этих вибраций. И третье: если вы всё-таки столкнулись с Блуждающим, не пытайтесь с ним сражаться. Скрестите пальцы и повторяйте своё имя. Это напоминает вам, кто вы есть, и не даёт сущности забрать вашу личность.

Свет на карте ярко очертил безопасные зоны.

— Фонари держат их на расстоянии. В темноте вы уязвимы. Запомните это.

По залу пробежал холодок.

— Четвёртое. Магия вне стен Перекрёстка.

Мисс Дорин щёлкнула пальцами, и перед ней вспыхнула полупрозрачная хроника: кадры из разных эпох — газетные вырезки с заголовками «Загадочное свечение над городом», любительское видео дрожащей камерой, где в темноте мелькает странный свет, скриншот из чата: «Ты это видел?!»

Кадры гасли один за другим, оставляя после себя тёмные пятна.

— Вы будете проходить практику в реальном мире, — её голос звучал теперь тише, но от этого только страшнее. — Но магия не должна быть раскрыта.

Ещё один щелчок — и все изображения рассыпались в пепел, не долетев до пола.

— Никаких доказательств. Никаких фотографий. Никаких свидетельств.

Тишина стала почти осязаемой.

— За нарушение — немедленное отчисление. Это не угроза. Это констатация факта. Тайну нельзя вернуть, если она уже вырвалась наружу.

Она выключила проекцию и убрала планшет.

— И последнее, — голос Мисс Дорин стал тише, но оттого не менее властным. — Экзамен «Ноль-Ноль». Вы войдёте в Зал Симуляции без оружия, без артефактов, без поддержки.

Она чуть склонила голову, будто прислушиваясь к чему-то за стенами зала.

— Только вы и ваша Тень. И здесь важно не победить её. Важно принять.

В зале кто-то шевельнулся, будто хотел задать вопрос, но не решился.

— Принять — значит увидеть свои слабости, свои страхи, свои ошибки и не отвернуться от них. Это и есть ваша сила: не отрицать то, что внутри. Только те, кто это сделает, получат распределение. Остальные покинут Перекрёсток. Навсегда.

Пауза была долгой. Достаточно долгой, чтобы каждый успел подумать о том, что прячет в глубине себя.

— Значит, Блуждающие, — нарушил молчание Кай. — Звучит как название индигруппы.

Ректор обвёл взглядом толпу и вдруг — совершенно неожиданно — улыбнулся. Улыбка преобразила его лицо: оно перестало быть суровым и стало почти тёплым.

— Тот, кто попытается нарушить правила, будет отрабатывать наказание лично у меня. Чистка инкубатора для элементарей духов. Поверьте, это хуже, чем звучит.

В зале прокатился сдержанный смешок, быстро стихший под внимательным взглядом ректора.

— И последнее, — он чуть приподнял бровь, будто сам удивляясь собственной откровенности. — Даже не думайте меня подкупить. Я неподкупен. Но если вдруг у кого-то возникнет абсурдное желание сделать мне приятное... марципановые конфеты — мои любимые.

Кай прыснул. Селин хмыкнула. Даже Артур позволил себе тень улыбки, хотя тут же её подавил, будто испугался, что веселье сочтут за дерзость.

Ректор спокойно выдержал эти короткие вспышки облегчения. Он знал: страх вернётся. А пока пусть немного подышат.

Варг посмотрел на часы — старые, на цепочке, явно артефактные, — и кивнул каким-то своим мыслям.

— А теперь — ваше расписание на сегодня. Списки распределения по комнатам — на столах у входа. Девочки — Западное крыло. Мальчики — Восточное. В пять часов — общий ужин в Трапезной. Завтра — вводные занятия. Вопросы?

Тишина.

— Вопросов нет. Хорошо. — Он кивнул, повернулся и, поднимаясь обратно по лестнице, вдруг бросил через плечо: — Добро пожаловать домой.

И ушёл. Ступени стучали под каблуком его туфель.

Тишина взорвалась шумом.

Первокурсники бросились к столам со списками. Наши шестеро — кто быстрее, кто медленнее — тоже двинулись вперёд.

Вера нашла своё имя в списке Западного крыла и увидела рядом с ним другое: «Селин Деверо». На секунду у неё ёкнуло сердце: будто сама судьба подталкивала их друг к другу. Она подняла глаза и встретила взглядом с Селин, которая тоже только что отыскивала этот список.

Селин нашла тот же список, и её бровь снова приподнялась — на этот раз не от раздражения, а от удивления.

— Похоже, нас поставили вместе, — тихо сказала Вера, не зная, радоваться ей или бояться.

Селин чуть склонила голову, будто взвешивая эту новость.

— Посмотрим, надолго ли, — пробормотала она, но в голосе уже не было прежней колючести.

Рина, проходя мимо, бросила взгляд на их имена и фыркнула.

— Классика, — пробормотала она и тут же исчезла в водовороте первокурсников, которые металась между столами, выкрикивали фамилии и сверяли списки.

Кай, Эриль и Артур нашли свои имена в Восточном крыле. В одной комнате.

— О, — сказал Кай, широко улыбаясь. — Некромант, викинг и хакер. Звучит как начало анекдота.

— Не смешно, — буркнул Артур, не глядя на него.

— Я не шучу. Я коллекционирую начала анекдотов, — не сдавался Кай, будто это было самое серьёзное хобби на свете.

Эриль ничего не сказал. Он молча взял свой мешок и первым направился к Восточному коридору. На ходу обернулся и посмотрел на Кая с Артуром долгим, оценивающим взглядом. Не угрожающим. Скорее — взвешивающим. И кивнул.

Это был очень короткий кивок. Но он означал: «Я вас запомнил».

Артур поджал губы, будто хотел ещё что-то сказать, но сдержался. Кай же, напротив, расплылся в улыбке:

— Знаешь, Эриль, я люблю, когда люди запоминают меня. Обычно это значит, что потом они либо становятся моими друзьями, либо пытаются меня выгнать из комнаты. Посмотрим, какой вариант будет у нас.

Эриль чуть приподнял бровь, будто впервые всерьёз задумался над тем, что с этими двумя ему теперь жить. И снова кивнул — уже чуть медленнее. Как будто говорил: «Ладно. Посмотрим».

Западное крыло, 4 этаж Цитадели, комната 13

Селин вошла первой.

Она привыкла оценивать помещение с порога — этому её научила мадам Бриджит. «Всегда знай, где выход, девочка. Даже если кажется, что ты в безопасности». Комната была небольшой, но светлой. Три кровати у трёх стен, каждая застелена серым одеялом с серебристой каймой — нейтрально, без намёка на специализацию. Стены в дымчато-белом оттенке. Серые тяжелые шторы, собранные серебряными подвязками, а между ними легкая, белая, полупрозрачная занавеска. Три белых тумбочки. Три белых шкафа. Окно во всю стену, выходящее на запад — сейчас, вечером, в нём догорал закат, окрашивая стекло в персиковый. Единственное, что разбавляло комнату - ковер на полу светло - лавандового цвета. В углу стояло большое напольное зеркало в белой раме.

— Скромно, — произнесла Селин, проводя пальцем по тумбочке. Пыли не было. — Но чисто.

Вера вошла следом, и её лицо осветилось той самой улыбкой, которая, казалось, могла согреть даже каменные стены.

— Ну, по крайней мере, не казарма, — сказала Вера, входя следом и осторожно опуская сумку на одну из кроватей. — И ковер симпатичный.

Селин сдержанно кивнула, не готовая соглашаться с чем-то «симпатичным», но не могла отрицать: ковер действительно смягчал стерильность комнаты.

— Главное, чтобы кровати не скрипели, — пробурчала она, проверяя одну из них лёгким нажатием. — Если кто-то будет ходить по ночам, я не хочу это слышать.

Вера хихикнула, но тут же постаралась сделать вид, что это был просто кашель.

Третьей в комнату вошла Рина. Она не сказала ни слова — просто обошла периметр, заглянула в шкаф, под кровати, проверила задвижки на окне. Потом бросила свою сумку на кровать у северной стены — самую дальнюю от двери.

— Моя.

— Мы вообще-то ещё не выбирали, — заметила Селин.

— А я уже выбрала. — Рина села на кровать, достала колоду и начала тасовать. — Не волнуйтесь, красавицы. Я не храплю, не краду еду и не привожу парней. По крайней мере, в первую неделю.

Селин хотела возразить, но Вера тихонько коснулась её локтя.

— Пусть, — шепнула она. — У неё взгляд — как у моей кошки Маньки. Если не дать ей выбрать место, она будет мстить.

Селин фыркнула, но спорить не стала. Она заняла кровать у южной стены, поближе к окну. Вера — восточную, ту, что смотрела на подоконник с мятой.

— Как думаете, — сказала Вера, разбирая рюкзак, — почему комнаты такие... никакие?

— Нейтральные, — поправила Селин. — Чтобы мы сами их наполнили. Магия любит личное пространство. Через год здесь будет либо алтарь, либо оранжерея, либо склад проклятий.

— Либо всё сразу, — добавила Рина, не поднимая глаз от карт. — У меня, например, будет гадальный угол. И прошу не входить, когда я работаю с клиентами.

— Ты собираешься брать плату с однокурсников? — изумилась Вера.

— А ты думала, я здесь из любви к искусству? — Рина наконец подняла глаза и усмехнулась. — Дорогая, Таро — это профессия. А профессиональная этика требует гонорара.

Вера покачала головой, но улыбнулась. Селин молча распаковывала свои вещи: свечи, флакон с ромом для подношений, маленький мешочек с травами, фотографию мадам Бриджит в рамке. Она поставила рамку на тумбочку и на секунду замерла.

— Это твоя мама? — спросила Вера.

— Наставница. Мама... — Селин помолчала. — Мама далеко.

Вера кивнула, не стала расспрашивать. Достала нить с речным жемчугом, застегнула и принялась расставлять баночки с травами на подоконнике — ровно, по линейке, будто это был какой-то священный ритуал.

— Ты их по алфавиту расставляешь или по силе запаха? — не удержалась Селин.

Вера хихикнула, сама удивляясь тому, что может смеяться здесь, в этой стерильной комнате.

— По высоте. Так красивее.

— Логично, — буркнула Селин, но уголки губ дрогнули. — Главное, чтобы они не упали, когда я буду открывать окно.

— Не упадут, — уверенно сказала Вера. — Я их клею не сажаю, но ставлю крепко.

Селин покачала головой, будто сдаваясь перед этой непоколебимой бытовой уверенностью.

— Ладно. Пусть стоят.

— Здесь будет сад, — сказала она. — Маленький, но настоящий.

Рина посмотрела на неё поверх карт, хотела съязвить, но передумала. Что-то в этой девушке с русой косой было такое, что даже цинизм отступал.

Восточное крыло, 4 этаж Цитадели, комната 10

— Ну, джентльмены, — объявил Кай, переступая порог, — это наша скромная обитель. Она же будущий центр хаоса, изобретательства и, возможно, пары незаконных ритуалов.

Комната была точной копией девичьей — три кровати, три тумбочки, три шкафа, большое окно на восток, где как раз зеленел Дом Корня.

Эриль вошёл, огляделся и занял кровать у северной стены — ту, что была дальше всего от двери и ближе всего к окну. Молча поставил мешок, сел и начал разматывать повязку на левой ладони.

Артур выбрал кровать у южной стены — самую тёмную. Сел, не раздеваясь, и уставился в стену.

— Ладно, — сказал Кай. — Один молчит как камень, второй медитирует на обои. Вечеринка удалась.

— Я не медитирую, — сказал Артур, не оборачиваясь. — Я слушаю.

— Кого?

— Никого. Здесь тихо. — Он помолчал. — Впервые за долгое время тихо.

Эриль поднял глаза, посмотрел на Артура долгим, оценивающим взглядом и снова опустил. Что-то в этом бледном парне с синяками под глазами было ему знакомо...

А Артур чувствовал этот взгляд почти физически — как осторожное прикосновение к самому больному. Ему казалось, что Эриль видит не просто усталость, а те ночи, когда память шептала громче, чем любой дух.

— Не надо на меня так смотреть, — выдавил он, хотя и понимал, что звучит грубо.

Эриль не оправдывался.

— Прости, — просто сказал он. — Иногда я забываю, что не все хотят, чтобы их понимали.

Кай тем временем уже разложил на своей кровати ноутбук, планшет, два смартфона и моток проводов.

— Первым делом — вай-фай, — объявил он. — Его здесь официально нет, но есть магический фон. Я попробую перепрошить сигил, чтобы конвертировать фон в сигнал.

— Это запрещено? — спросил Эриль.

— Скорее всего.

— Хорошо.

Кай замер на полуслове и медленно обернулся:

— Ты только что сказал «хорошо» на предложение нарушить правила?

— Я сказал «хорошо» на предложение создать связь с внешним миром. — Эриль отложил повязку. На ладони, среди старых шрамов, алела свежая руна «Кеназ». — В моём роду связь была всем. Если местные законы её ограничивают, значит, законы нужно... доработать.

— О, — сказал Кай с уважением. — Ты мне нравишься, викинг.

— Я не викинг. Викинги — это профессия. Я — Эриль Ирвинг.

— А я Кай. Можно просто Кай. Или Хакер-сан. Или Эй-ты-опять-что-то-взорвал.

Эриль посмотрел на его провода, на светящийся сигил на ладони, на взъерошенные волосы, торчащие во все стороны.

— Ты странный, — сказал он.

— Спасибо. Я старался.

Артур, сидя на своей кровати, вдруг издал короткий звук. Что-то среднее между вздохом и смешком.

— Ты смеёшься? — поразился Кай.

— Нет.

— Смеёшься! Я слышал!

— Это был кашель.

— У тебя кашель звучит как сарказм. Мне это нравится. — Кай плюхнулся на свою кровать и закинул руки за голову. — Значит, так. Сосед номер один — некромант-кашляю-

щий-сарказмом. Сосед номер два — рунный воин, который не против хакать систему. Команда мечты.

— У нас нет команды, — сказал Артур.

— Пока нет.

Он посмотрел на светящийся сигил, набрал на ноутбуке несколько команд и удовлетворённо кивнул.

— А вот и вай-фай.

Глава 8: Хлеб мудрости и соль порядка.

В пять часов Цитадель загудела, как улей, который потревожили палкой.

Первокурсники высыпали из своих комнат и потянулись по коридорам к Трапезной — туда, куда вёл их тёплый запах свежего хлеба, жареного мяса и каких-то пряностей, которые Вера, приняв их, определила как смесь корицы, тмина и ещё чего-то незнакомого.

Девочки спустились вместе — Селин впереди, чеканя шаг каблуками по каменным плитам, Вера рядом, всё ещё в мягких тапочках (она честно пыталась надеть туфли, но они жали), Рина чуть позади, с колодой в рукаве и взглядом, который сканировал коридор на предмет полезных знакомств.

Мальчики вышли позже. Кай задержался, настраивая свой нелегальный роутер, Эриль ждал его молча (он не бросал тех, с кем делил комнату, — это было делом чести), а Артур просто не хотел идти в толпу. Но голод и здравый смысл пересилили.

Трапезная располагалась на первом этаже Цитадели и занимала огромный прямоугольный зал. Высокие сводчатые потолки терялись в полумраке, но сам зал всегда был наполнен светом — мягким, медовым, успокаивающим.

Секрет был в витражах. Две длинные боковые стены от пола до самого верха занимали огромные окна, и в каждом окне сиял один и тот же узор — компас. Четыре луча расходились от центра к сторонам света, и каждый луч был выложен стеклом своего цвета: северный — чёрным и серебряным, южный — белым и золотым, восточный — зелёным и коричневым, западный — синим и серым. Солнечный свет, проходя сквозь эти стёкла, смешивался в единый поток — тёплый, рассеянный, никогда не слепящий. По полу и столам скользили цветные блики, и в течение дня они медленно двигались, повторяя путь солнца. Даже в самый жаркий полдень в Трапезной царила приятная прохлада — магия, вплетённая в витражи, не пропускала зной.

Две другие стены — та, в которой находился главный вход из Атриума, и противоположная ей, где стояли раздаточные столы, — были сложены из светлого камня.

В тёмное время суток, когда солнце уходило за горы, ограничивающие карман Перекрёстка, вдоль обеих боковых стен зажигались золотые канделябры. На них не горели ни свечи, ни масляные лампы — вместо этого в воздухе парили полупрозрачные сферы света, похожие на стуски чистой магии. Они не мерцали, не чадили, не требовали замены. Мягкое, ровное сияние заполняло зал, и витражи в этом свете начинали светиться изнутри, будто подсвеченные драгоценные камни. Компасы на окнах оживали.

Столы из массивного дерева располагались вдоль обеих боковых стен, лучами отходя от витражных окон к центру зала. По восемь столов с каждой стороны — каждый на двадцать человек. Столетия отполировали дерево до мягкого золотистого блеска. У каждого места был свой стул с высокой резной спинкой и мягкой обивкой на сидении. Стулья стояли свободно, никто не мешал друг другу вставать и выходить.

Между двумя рядами столов оставался широкий центральный проход — по нему могло пройти сразу десять человек плечом к плечу, не задев сидящих. В часы приёмов пищи здесь текли две людские реки: одна — к раздаточным столам, другая — обратно.

Пол был выложен тем же камнем, что и стены.

Украшения Трапезной были живыми, как всё на Перекрёстке. Со стен свисали гирлянды трав и цветов, которые обновляли дриады каждую неделю. На столах в небольших керамических горшочках стояли живые растения — мята, базилик, тимьян. Студенты могли отщипнуть листик и добавить в чай. В углах зала росли небольшие деревья в кадках — лимонные и апельсиновые, их плоды разрешалось срывать. Зимой, когда в реальном мире лежал снег, на деревьях загорались крошечные магические огоньки.

В центре каждого стола находилась круглая мраморная вставка с выгравированным компасом. В определённый час на столах уже стояли блюда: супы, горячее, хлеб — всё свежее, дымящееся, источающее ароматы специй и трав. Вдоль дальней стены напротив входа стояли раздаточные столы — там можно было взять выпечку, выбрать фрукты, сыр или сладости. За ними присматривали скелеты-повара в фартуках — Хлебный Джо, Суповой Пит и Булка. Напитки — чай, морсы, травяные отвары, соки — так же ждали в кувшинах на столах.

А за кулисами Трапезной трудились все четыре Дома. Дриады из Дома Корней поставляли зелень, овощи и фрукты, помогали готовить. Элементали огня — саламандры — поддерживали жар в печах, нетерпеливо вспыхивая, если поварёнок-дриада слишком долго возился. Скелеты-повара из Дома Кости резали хлеб, сервировали подносы и следили за порядком, не уставая и не ошибаясь. А люминары из Дома Ясности — бесплотные создания из стусков света — проводили над блюдами светящимися руками, и еда становилась не просто пищей, а источником бодрости, покоя или ясности ума.

Такой была Трапезная — местом, где стирались границы и четыре Пути становились одним целым. Здесь наши герои ели, смеялись, спорили и мирились. Здесь они впервые почувствовали себя не просто группой незнакомцев, а чем-то большим.

Семья начинается за столом.

Но главное было не в еде. Главное было в рассадке.

Никто не говорил, где кому сидеть. Но первокурсники, как это всегда бывает, сбивались в стайки. А наших шестерых невидимая сила уже притянула друг к другу.

Кай шагнул через порог первым и замер так резко, что Вера едва не врезалась ему в спину.

— Ничего себе, — выдохнул он. — Это не столовая. Это... это... у меня нет слова.

Они двинулись дальше, выбирая стол. Кай рванул было к тому, над которым нависал лимон, но Селин взяла его за локоть и решительно повела к восточному окну. Туда, где витраж отбрасывал на стулья зеленоватые и золотые блики.

— Сядем здесь, — сказала она тоном, не допускающим возражений. — Тут свет мягче.

— Ты выбираешь место по освещению? — Кай плюхнулся на стул и тут же забрался на него с ногами. — Это так по-ведьмовски.

Вера села за стол у окна.

Селин села рядом с ней — не потому, что хотела быть ближе, а потому, что не хотела сидеть с чужими. Рина, помедлив, опустилась напротив. Мальчики подошли последними. Эриль сел с краю, прямой, как на военном совете. Артур — рядом с Эрилем, потому что это было место, наименее освещённое светом витражей.

Селин потянулась за хлебом и на мгновение встретилась взглядом с Артуром. Он смотрел на неё — не враждебно, но изучающе. Так смотрят на головоломку, которую пока не решил.

— Что? — спросила она.

— Ничего. — Он опустил глаза. — Просто подумал.

— О чём?

— О том, что у тебя очень острый маникюр.

Селин моргнула. Потом улыбнулась — той самой улыбкой, которая была наполовину вызовом, наполовину удовольствием.

— Это не маникюр. Это оружие.

— Я так и подумал.

Вера, которая накладывала себе салат, вдруг тихо засмеялась.

— Что? — спросила Селин.

— Ничего. Просто... — Она обвела взглядом стол. — Мы все такие разные. И сидим вместе. Как будто кто-то специально подстроил.

— Так и есть, — сказала Рина, не поднимая головы. — Карты не врут.

— Какие карты? — Кай оживился. — Таро? Погадай мне!

— После ужина. За отдельную плату.

— А мне? — спросила Вера.

— Тебе — бесплатно. Ты добрая.

— А мне? — спросила Селин.

— Тебе — двойной тариф. Ты вредная.

Селин хотела возмутиться, но вместо этого расхохоталась. Настоящим, искренним смехом, который был слышен, кажется, на весь зал. И странное дело — никто из них не почувствовал себя неловко.

Эриль молча ел. Но уголки его губ — те самые, что всегда были плотно сжаты, — чуть дрогнули. Почти незаметно. Почти.

Разговоры текли, как вода: то быстрее, то медленнее, то с порогами смеха, то с глубокими омутами молчания. Они говорили о еде (Вера хвалила пряности, Кай пытался определить состав соуса «с точки зрения химии», Рина утверждала, что это «кардамон и ложь»), о комнатах (Селин жаловалась на скрипучую половицу, Вера — на неудобную подушку, Рина — на отсутствие замка), о том, как каждый добирался до Перекрёстка.

Когда речь зашла о порталах, Эриль показал свежий шрам на ладони. Селин присвистнула. Вера тихо ахнула, и в её глазах мелькнуло то самое выражение, с которым она бралась лечить любую боль. Но она ничего не сказала — просто запомнила.

Кай с гордостью продемонстрировал свой сигил для вай-фая, и когда Рина поинтересовалась, законно ли это, ответил: «Законно — это скучно».

Артур ничего не показывал. Но когда Селин спросила, как он попал сюда, он ответил коротко:

— Через зеркало.

— И всё?

— И всё.

Она не стала допытываться. Что-то в его голосе говорило: не сейчас.

Объявление появилось прямо во время завтрака.

Сначала никто не понял, что происходит. Свет померк.

Не резко, не пугающе — а мягко, как будто кто-то прикрутил яркость мира. Все подняли головы. Магические сферы на кронштейнах погасли. Витражные окна потускнели. На пару секунд Трапезная погрузилась в сумрак.

А потом наступила ночь.

Не настоящая — но купол Трапезной вдруг исчез, и над головами студентов раскинулось звёздное небо. Глубокое, бархатно-синее, усыпанное тысячами огней. Кто-то ахнул. Кай выронил булочку.

И с неба, прямо на столы, начали падать звёзды.

Они опускались медленно, как снежинки — каждая размером с ладонь, светящаяся мягким золотом. Одна звезда легла перед Верой, другая — перед Артуром, третья — перед Каем, и так у каждого из семидесяти восьми первокурсников.

Вера осторожно коснулась своей звезды, и та развернулась в проекцию — изящную, сотканную из света натальную карту. В центре, там, где должна была сиять её судьба, было написано каллиграфическим почерком:

«Вера Назарова. Дом Ясности приглашает вас на практическое занятие по белой магии, астрологии и Таро. Сегодня, когда солнце покажется над горизонтом. Мастер Аарон Сол. Сопровождение: старшекурсники».

Она подняла глаза и встретила взглядом с Риной. Та держала свою звезду, и в её глазах отражалось золото.

— Принесите вопрос, на который боитесь узнать ответ, — прочитала Рина.

Кай тем временем безуспешно пытался запихнуть свою звезду в карман.

— Она погаснет через минуту, — заметил Артур, и точно: звёзды на столах начали меркнуть одна за другой. Последней погасла звезда Риной.

И когда свет вернулся — сферы снова зажглись, витражи засияли, — в Трапезной осталось только ощущение. Как после хорошего сна.

Рина всё ещё смотрела на пустое место, где только что лежала её звезда.

Она рассеянно помешивала кашу и уже собиралась отложить ложку, когда до неё долетел обрывок разговора. За соседним столом две старшекурсницы в белых кителях Дома Ясности склонились друг к другу, и ветерок — или акустика Трапезной — донёс их голоса:

— ...Моро опять был в Архиве. Говорят, он ищет способ перестроить каналы. Это невозможно, но...

— Моро? Тот самый, что перевёлся из Дома Кости? С разными глазами?

— Один серый, другой зелёный. Он на втором курсе. Представляешь, сдать «Ноль-Ноль» и сразу подать прошение о переводе? Это неслыханно.

— Почему он это сделал?

— Никто не знает точно. Говорят, он чуть не убил кого-то. Или кто-то чуть не убил его. В любом случае, он теперь изгой. Ни Кость, ни Ясность до конца его не принимают.

Рина не повернула головы. Но имя запомнила. Моро. Бывший некромант, перешедший в Дом Ясности после первого же курса. Изгой. Она машинально коснулась колоды в рукаве — та была на месте, тёплая и привычная. «Интересно, — подумала она, — что бы карты сказали о человеке, который сменил Путь?»

У южного выхода из Цитадели первокурсников уже ждали. Трое старшекурсников стояли на мраморных ступенях, и солнце, бьющее со стороны Дома Ясности, освещало их спины.

Одним из них был тот самый парень, о котором Рина слышала в Трапезной. Высокий. Чёрный китель, подшитый белой нитью. Серый глаз и зелёный. Риан Моро.

Кай заметил, как Рина чуть склонила голову, разглядывая его, и легонько пихнул её локтем:

— Ты на него так пялишься. Знакомый?

— Нет, — ответила Рина, не отводя взгляда. — Но я о нём слышала. Он — изгой.

Моро обвёл толпу глазами. Когда его взгляд наткнулся на Рину, он чуть задержался — всего на мгновение, но она заметила.

— Группа три, — произнёс он ровным голосом. — За мной.

Рина оказалась в группе три вместе с Верой, Селин и Артуром. Эриль и Кай попали в группу два, которую вела старшекурсница с длинной серебристой косой.

Дорога на юг была залита солнцем. Цветы росли вдоль мраморных дорожек, фонтаны с кристальной водой мерцали в лучах. Где-то впереди уже виднелся купол Дома Ясности — огромный, стеклянный, сияющий.

Рина шла ближе к Моро, чем это было необходимо.

— Моро, — сказала она, понизив голос. — Это правда, что ты сменил корпус?

Он не обернулся.

— Правда.

— Зачем?

Он остановился. Остальная группа прошла мимо, не заметив. Моро повернул голову — серый глаз и зелёный посмотрели на неё с одинаковым спокойствием.

— А ты всегда задаёшь вопросы, ответы на которые тебя не касаются?

— Всегда. Это мой дар. — Она усмехнулась. — И моё проклятие.

Он чуть склонил голову, разглядывая её.

— Тьмы у меня было достаточно. Я искал свет.

— И как, нашёл?

— Иногда. — Он помолчал. — Особенно когда на занятия приходят наглые первокурсницы и задают вопросы, на которые нет простых ответов.

Рина улыбнулась — не остро, не с вызовом, а как-то иначе. Так, как она ещё ни разу не улыбалась на Перекрёстке.

— Знаешь, Моро, ты очень странный.

— Мне говорили.

Она развернулась и пошла дальше по дорожке, чувствуя спиной его взгляд.

Лекционный зал Дома Ясности был огромен. Под стеклянным куполом вращалась проекция звёздного неба, амфитеатром спускались мраморные скамьи. Свет, проходя сквозь купол, преломлялся и падал на пол тысячей крошечных радуг.

Мастер Аарон Сол стоял в центре зала, растрёпанный, с закатанными рукавами. Его белый китель в пол был расшит созвездиями. Наши шестеро сидели вместе, заняв целую скамью. Кай устроился с краю и что-то чертил в блокноте. Эриль сидел рядом с ним, выпрямив спину. Вера, Селин и Рина заняли середину скамьи. Артур — с краю.

Мастер Сол поднял руку, и над его ладонью возникла светящаяся точка.

— Доброе утро. Сегодня я расскажу вам сказку. Представьте, что вы — это она. Искра. Крошечная частица света в бесконечной темноте. Вы не знаете, кто вы. Не знаете, зачем вы здесь. Вы просто светитесь. — Точка разгорелась ярче. — А теперь представьте, что рядом с вами зажглась ещё одна искра. И ещё. И ещё.

Вокруг его ладони загорелись десятки точек, и они разлетелись по всему залу, заполняя пространство. Студенты ахнули. Кай перестал чертить.

— Магия — это не заклинание. Это связь. Между вами и миром. Между вами и теми, кто был до вас. Вы прибыли сюда из разных стран, но здесь это перестаёт быть преградой. Потому что магия, которую вы будете изучать, не принадлежит ни одной стране. Она принадлежит всем.

Он помолчал.

— Сегодня я расскажу вам о том, как звёзды влияют на магию. Потому что звёзды — это самый древний пример связи, который у нас есть. Они светят нам через миллионы лет после того, как умерли. Если это не магия, то я не знаю, что такое магия.

Мастер Сол говорил два часа, но время пролетело незаметно. К концу лекции Кай лихорадочно записывал что-то в блокнот. Эриль чертил в воздухе невидимые руны. Вера сидела, приоткрыв рот, и в её глазах отражались искры. Артур смотрел на звёздную проекцию и думал о чём-то своём.

Когда лекция закончилась, мастер Сол поклонился и исчез в боковой двери.

Они вышли из Дома Ясности в полдень. Солнце стояло в зените, белый мрамор сиял. Первокурсники высыпали на площадь.

— Это было... неожиданно круто, — сказал Кай. — Я думал, астрология — это для тех, кто верит в гороскопы. А оказывается, там чистая математика.

— Математика и поэзия, — поправила Вера. — Он говорил о звёздах, как о живых.

— Потому что они живые, — тихо сказала Рина. Она достала из рукава одну карту — Звезду — и, посмотрев на неё, убрала обратно. — Всё живое, если уметь смотреть.

— Звучит как девиз Дома Ясности, — заметила Селин.

— Может, это мой девиз.

Они двинулись обратно к Цитадели. Вера шла рядом с Селин. Эриль шагал чуть позади, и иногда его взгляд падал на Веру — на то, как солнце золотит её косу, как она смеётся, как поправляет нить жемчуга. Он смотрел всего мгновение, а потом отводил глаза. Артур, заметив это, чуть дрогнул уголком губ.

Рина шла чуть в стороне, думая о том, что сказал Моро. «Тьмы у меня было достаточно. Я искал свет». Интересно, что он имел в виду? И почему смотрел на неё так, будто знал что-то, чего она сама о себе ещё не знала?

Впереди, у входа в Цитадель, стоял он сам. Когда Рина проходила мимо, он чуть склонил голову — едва заметный кивок.

Она кивнула в ответ.

И никто, кроме них двоих, этого не заметил.

Объявление появилось прямо когда ребята вошли в атриум Цитадели.

Просто над центральным проходом вдруг развернулся полупрозрачный свиток — проекция, сотканная из света, — и по нему побежали серебряные строки, выведенные чётким почерком мисс Дорин:

«Общие лекции. Первый курс. Сегодня: История некромантии и природа посмертных впечатлений. Профессор Морвенна Кроу. Место проведения: Дом Кости (Северный корпус). Начало в 13:00. Сопровождение: старшекурсники».

Свиток провисел в воздухе ровно минуту, а затем растаял, оставив после себя ощущение лёгкого недоумения.

— Драматично, — заметил Кай, провожая его взглядом. — А просто записку на доске повесить?

— Записку можно не заметить, — сказала Селин. — А световое шоу пропустить сложнее.

— «Сопровождение: старшекурсники», — прочитала Вера. — Это чтобы мы не заблудились?

— Чтобы не разбежались, — поправила Селин.

— Иерархия, — кивнула Рина. — Везде иерархия.

Вера сидела у окна и смотрела на север. Там, за деревьями, темнели шпили Дома Кости. Она ещё ни разу не была там — только видела издалека. Чёрные башни на фоне светлого неба, острые, как клыки. Ей стало немного не по себе, но она отогнала это чувство. «Это просто другой дом, — сказала она себе. — Не хуже и не лучше. Просто другой». Она коснулась жемчужных бус на шее. Те потеплели под пальцами — как всегда, когда она волновалась.

— Вера? — Селин заметила её жест. — Ты в порядке?

— Да. Просто... это будет первое занятие там. Немного волнительно.

— Мы будем рядом, — спокойно сказала Селин. — И если хоть одна тень попробует к тебе приблизиться, я нарисую ведро прямо на ней. Мел у меня с собой.

Рина хмыкнула, не поднимая головы.

— Вы слышали, что Кроу называют «Железной Морвенной»? Говорят, она улыbnулась всего дважды за всю свою карьеру. Первый раз — когда студент случайно вызвал духа собственной прабабушки, и та отчитала его за невыученный урок. Второй — когда ректор Варг подавился марципаном.

Кай прыснул. Артур, сидевший с краю, оторвал взгляд от окна и тихо сказал:

— Я читал о ней. Она — одна из лучших некромантов Европы. Если кто и знает о смерти, то это она.

У северного выхода их встретила старшекурсница Эйра. Она ждала их, прислонившись к колонне. Высокая, с кожей цвета тёмного янтаря, она была похожа на древнюю жрицу. Десятки тонких косичек, в которые были вплетены серебряные кольца, спускались до пояса, и при каждом движении они мелодично позвякивали. На плече сидел ворон — не живой, а собранный из мелких косточек, но двигался он плавно, по-настоящему, и его пустые глазницы мерцали тусклым светом.

— Группа два, — произнесла Эйра. Голос у неё был низкий, но мелодичный — как далёкий гром. — Дом Кости. Идём.

Наши шестеро оказались в одной группе. Дорога на север отличалась от южной: здесь не было белого мрамора. Вместо него — чёрный, с серебряными прожилками, который, казалось, поглощал солнечный свет. С обеих сторон росли дубы, а под ними — фиолетовые островки лаванды и дельфиниума.

Артур шёл молча, но его плечи были расправлены, а подбородок поднят. Впервые он шёл в место, которое могло стать его убежищем.

Сад ночных цветов встретил их тишиной и запахом свежести. Фонтан во дворе журчал, и в его воде отражалось утреннее небо. Селин, проходя мимо, провела пальцами по воде и что-то прошептала — то ли приветствие, то ли короткую молитву.

— Что ты сказала? — спросила Вера.

— Поздоровалась с духами. Здесь их много. Они не злые. Просто... ждут.

— Чего?

— Не знаю. Может, нас.

Ворон на плече Эйры каркнул. Эйра подняла руку и погладила его по костяной голове.

— Тише, Мор. Мы уже пришли.

Дом Кости встретил их распахнутыми дверями. Никаких факелов — только свечи в канделябрах вдоль стен и холодное сияние, исходившее, казалось, от самих камней. Внутри было

не мрачно — торжественно. Как в древнем храме, где время замедляется, а слова звучат весомее.

Эйра привела их в Зал Теней. Огромный, круглый, со сводчатым потолком, терявшимся во мраке темно-серого камня. Огромные витражные окна в разных оттенках лавандового. В центре — обсидиановая плита, от которой веяло холодом.

Профессор Морвенна Кроу стояла у плиты. Высокая, сухая, с седым пучком на затылке. Чёрное одеяние до пола, обсидиановый кулон на шее. Лицо — будто вырезанное из старого дерева, но глаза — живые, цепкие, ничего не упускающие.

— Садитесь, — произнесла она голосом, похожим на шорох сухих листьев. — И не бойтесь. Смерть не приходит за теми, кто её изучает. Она приходит за теми, кто о ней забывает.

Студенты расселись на каменных скамьях. Вера села между Селин и Эрилем. Эриль сидел прямо, как на военном совете, но его локоть почти касался её локтя. Тепло на коже сбивало с толку. Или близость Эриля? Вера не стала уточнять — ей вдруг показалось, что этот вопрос лучше оставить без ответа.

Кроу обвела зал взглядом и заговорила без предисловий:

— Вас учили, что некромантия — это искусство говорить с мёртвыми. Забудьте. Некромантия — это искусство слушать тишину. Мёртвые не всегда хотят говорить. Чаще они хотят, чтобы их услышали. Это не одно и то же.

Она подошла к обсидиановой плите и положила на неё ладонь.

— Когда человек умирает, от него остаётся не только тело. Остаётся отпечаток. Эмоция. Мысль. Воспоминание. Сильные чувства — страх, ярость, любовь, вина — впечатываются в реальность, как ожог на дереве. Мы, некроманты, читаем эти ожоги. Мы не тревожим покой усопших — мы слушаем то, что они сами хотят сказать. Разница, — она подняла палец, — в уважении. Если вы пришли к мёртвым с жадностью, они закроются. Если вы пришли с уважением, они откроют вам то, что не открыли бы живым.

Артур слушал, затаив дыхание. Слова Кроу попадали прямо в цель — в ту самую рану, которую он носил в себе с восьми лет. «Мы слушаем то, что они сами хотят сказать». Значит, он не сумасшедший. Значит, его голос — это не болезнь, а дар. Просто он ещё не умеет им пользоваться.

— А теперь — вопрос, — Кроу обвела зал глазами и остановила взгляд на бледном студенте в среднем ряду. — Вы. Как вас зовут?

— Артур Уинтерборн, — ответил он, и собственный голос прозвучал для него неожиданно твёрдо.

— Уинтерборн. Вы слышите голоса. Я вижу это по вашим глазам. Что они говорят вам сейчас?

Артур замер. Весь зал, казалось, затаил дыхание. Он мог соврать. Мог отшутиться. Мог промолчать. Но вместо этого он сказал правду:

— Они молчат. В этом зале... они молчат. Впервые за долгое время, — тихо произнёс Артур, и его слова будто повисли в воздухе, тяжёлые и честные.

В зале стало так тихо, что можно было услышать, как где-то в дальнем углу скрипнула половица. Кто-то из студентов нервно сглотнул. Кто-то переплёл пальцы, будто пытаясь удержать дрожь. Но никто не фыркнул. Никто не закатил глаза. Никто не прошептал насмешливо: «Да он просто псих».

Кроу чуть склонила голову, словно прислушиваясь не к словам, а к тому, что за ними стояло.

— Это потому, что здесь вы не один, — сказала она, и в её голосе не было ни пафоса, ни жалости — только спокойная уверенность. — Здесь вы среди тех, кто тоже слышит. Или будет слышать. Или боится услышать.

Артур медленно поднял глаза. И впервые не увидел в лицах вокруг осуждения. Он увидел... ожидание. Не насмешливое, не требовательное, а такое, какое бывает, когда люди готовы поверить тебе.

— Тишина — это не пустота, Уинтерборн, — продолжила Кроу. — Тишина — это пространство, в котором рождается понимание. Запомните это.

Он кивнул. И в этот момент ему показалось, что тишина в зале — это не отсутствие звуков, а обещание: «Ты не один».

Она отвернулась, а Артур почувствовал, как внутри что-то дрогнуло. Не боль. Облегчение.

Лекция продолжалась. Кроу рассказывала о том, как отличить отпечаток души от простого эха, как настроиться на частоту умершего, как защитить себя от сильных эмоций. Говорила о древних некромантах, которые могли воскрешать не тела, а память — извлекать из тишины забытые имена и утерянные знания.

Вера слушала и думала о том, что смерть, оказывается, не враг. Она — часть цикла. Как зима, которая сменяет осень. Как ночь, которая даёт отдохнуть дню.

Селин думала о том, что духи здесь — не рабы и не слуги. Они — свидетели. И она, как будущая мамбо, должна научиться их слушать, а не приказывать.

Эриль думал о том, что его предки, павшие много лет назад, всё ещё где-то рядом. Может быть, их отпечатки хранятся в рунах, которые он вырезает. Может быть, он говорит с ними каждый раз, когда берёт в руки нож.

А Кай... Кай думал о том, можно ли записать посмертный отпечаток на цифровой носитель. И решил спросить об этом после лекции.

Когда Кроу закончила, в зале повисла тишина — но не та, что пугает, а та, что наполняет. Профессор оглядела студентов и вдруг добавила:

— И помните: некромантия — это не призвание для мрачных одиночек. Лучшие некроманты, которых я знала, были людьми, которые любили жизнь. Потому что только тот, кто знает цену жизни, способен понять цену смерти. А теперь идите. У вас есть час до следующей лекции.

Артур сидел неподвижно — но его глаза, серые и обычно холодные, сейчас были влажными.

Вера заметила это. Ничего не сказала. Просто коснулась его локтя — легко, почти неведомо.

— Ты в порядке? — одними губами спросила она.

Артур кивнул. И впервые за долгое время это не было ложью.

После лекции они вышли во двор. Солнце уже поднялось высоко, и сад ночных цветов выглядел самым умиротворяющим местом. Белые лилии раскрылись, ирисы источали сладкий аромат, а в фонтане плескались скелеты рыбок.

— Это было... сильно, — сказал Кай. — Я, конечно, не некромант, но Кроу — просто машина. Железная леди. Ты слышал, что она сказала про отпечатки? Это же как цифровой след. Каждый клик, каждый лайк, каждый комментарий остаются на серверах навсегда. Так и тут — каждая эмоция оставляет след.

— Ты сравниваешь посмертные отпечатки с лайками в соцсетях? — приподняла бровь Селин.

— А что? И то и другое — информация, которая остаётся после того, как источник исчез.

— Это почти красиво, — заметила Рина. — Почти. Но я оценила.

Эриль молчал. Он смотрел на северную дорогу, и в его глазах отражались шпили Дома Кости. Артур подошёл к нему и встал рядом.

— О чём думаешь? — спросил он.

— О предках. Кроу сказала: сильные чувства впечатываются в реальность. Мои предки погибли, защищая свой род. Их ярость, их боль, их любовь — где они? В рунах? В земле? В моей крови?

— Может быть, во всём сразу.

Эриль повернулся к нему.

— Ты говорил с ними? С теми, кого потерял?

Артур долго молчал. Потом ответил:

— Я слышу их. Но не говорю. Ещё не умею.

— Научишься.

Селин, проходя мимо, коснулась плеча Артура:

— Ты сегодня был смелым. Ответить Кроу перед всем залом — это поступок.

— Это был просто вопрос.

— Это был шаг. — Она поправила платок. — Ты сделал шаг вперёд. Не отступай.

И она пошла дальше, цокая каблуками по каменным плитам. Артур посмотрел ей вслед и вдруг понял, что она права.

Вера стояла у фонтана и смотрела на воду. Эриль подошёл к ней. Они оба молчали — но это молчание было тёплым, как солнечный свет.

— Ты как? — спросил он.

— Хорошо. Странно, но хорошо. Когда Кроу говорила о том, что смерть — это часть цикла, я вспомнила бабу Ньюру. Она всегда говорила то же самое, только другими словами. «Всё возвращается в землю, Верочка. И из земли возвращается снова».

— Мудрая женщина.

— Да. — Вера коснулась жемчужных бус. — Я скучаю по ней.

Эриль хотел что-то сказать, но слова, как всегда, застряли в горле. Вместо этого он просто кивнул. И Вера поняла.

Впереди, за садом ночных цветов, уже виднелась Цитадель. День только начинался, а у них уже было столько всего, что нужно обсудить, обдумать и просто пережить вместе.

Сразу после лекции в Доме Кости, когда первокурсники вернулись в Трапезную на обед, случилось то, чего никто не ожидал.

Сначала послышался звук — низкий, нарастающий гул, похожий на приближение грозы. Студенты замерли с ложками в руках. Гул становился громче, и вдруг по центральному проходу Трапезной пронеслась механическая птица. Она была размером с ястреба, вся из меди и латуни, с глазами-линзами и крыльями, которые хлопали с металлическим звоном. Птица сделала круг под потолком, рассыпая снопы оранжевых искр, и зависла над головой Кая. Тот, не растерявшись, помахал ей ложкой.

— Привет, красавица. Ты откуда?

Птица щёлкнула клювом и заговорила голосом профессора Раста — громким, восторженным, с лёгкой хрипотцой:

«Первый курс! Слушайте внимательно, потому что я скажу это только один раз! Хотя нет, я скажу это столько раз, сколько захочу! Через час — общая лекция в Доме Бури! Тема: «Введение в стихийную магию: от искры до урагана»! Форма одежды — любая, которую не жалко! Возможны взрывы! Возможен дождь! Возможен ветер, который сорвёт с вас шапки, если они у вас есть! Явка обязательна! Особенно для тех, кто боится!»

Птица чихнула снопом искр, сделала ещё один круг и рухнула на стол перед Каем, превратившись в груды металлолома. Из груды донёлся слабый, затухающий голос Раста:

«И да... если кто-то найдёт мою птицу... не пытайтесь её починить... она взорвётся... с уважением, профессор Раст...»

Птица тихо щёлкнула и затихла. Кай медленно убрал от неё руки и поднял глаза на остальных.

— Это. Было. Великолепно.

— Это было опасно, — поправила Селин.

— Одно другому не мешает! — Кай уже вскочил, забыв о недоеденном супе. — Дом Бури! Стихии! Взрывы! Мы идём?

Эриль молча поднялся. Вера, поколебавшись, тоже встала. Артур отодвинул тарелку и кивнул. Рина сунула колоду в рукав и усмехнулась:

— Если там действительно будет дождь, я возьму зонт.

— Зонт не спасёт, — бросила Селин, поднимаясь. — Но я всё равно иду.

Дом Бури. Полигон Стихий.

Полигон Дома Бури был устроен под открытым небом. Огромная круглая площадка, вымощенная тёмным камнем, была окружена высокими стенами, на которых до сих пор виднелись следы копоти от предыдущих занятий. Над головой, как всегда на западе Перекрёстка, кружились облака и время от времени сверкали молнии. Ветер трепал волосы, пах озоном, горячим металлом и дождём, который то начинался, то прекращался сам собой.

Профессор Зигмунд Раст стоял в центре полигона. Он был невысоким, но жилистым, с вечно взъерошенными седыми волосами и ожогами на пальцах. На носу сидели стимпанк-очки с множеством линз, а поверх рубашки был надет кожаный фартук, испещрённый подпалинами. Он широко улыбался — так, как улыбается человек, который точно знает, что сегодня что-то взорвётся, и это что-то будет по-настоящему красиво.

— Первый курс! — проревел он. — Добро пожаловать в Дом Бури! Здесь мы не сидим за партами. Здесь мы не пишем конспекты. Здесь мы работаем со стихиями — голыми руками, голыми нервами и голыми... ну, вы поняли. Сегодня я покажу вам, что стихии — это не враги. Это партнёры. Своенравные, опасные, но честные. Огонь не лжёт. Вода не предаёт. Земля не бросает. Воздух не забывает.

Он поднял руку, и на его ладони вспыхнул огонь — маленький, жёлтый, почти безобидный.

— Начнём с огня. Огонь — это страсть. Это гнев. Это тепло очага и пламя битвы. Он требует силы воли. Если вы боитесь огня — он вас сожжёт. Если вы укротите его — он вас согреет.

Огонь на его ладони взметнулся вверх, превратившись в огненный столб, а затем опал и погас. Студенты ахнули. Кай подпрыгнул на месте.

— Теперь вода. — Раст развернулся к фонтану, бывшему из камня в центре полигона. — Вода — это память. Она помнит всё, что видела. Она может быть мягкой, как колыбельная, и жёсткой, как кнут.

Он щёлкнул пальцами, и вода из фонтана взметнулась в воздух, закрутилась спиралью и вдруг рассыпалась тысячью капель. Капли застыли в воздухе, как стеклянные бусины, а потом мягко упали на землю.

— Воздух. — Раст поднял лицо к небу. — Воздух — это свобода. Он везде и нигде. Он слышит ваши мысли и разносит их по миру. Если вы умеете слушать воздух, вы услышите то, что говорят за тысячу миль отсюда.

Ветер усилился. Он закружил по полигону, подхватил листья, пыль, искры, а затем так же внезапно стих.

— И земля. — Раст топнул ногой. Камень под ним дрогнул. — Земля — это опора. Терпение. Она не торопится. Она ждёт. Но когда она приходит в движение, ничто не может её остановить.

По полигону прошла дрожь. Несколько студентов попятились, но Раст уже опустил руки.

— Это четыре стихии. Но есть и пятая. — Он обвёл глазами притихших первокурсников. — Это вы. Ваша воля. Ваша сила. Ваше намерение. Стихии — это инструменты. Вы — мастера. И сегодня я научу вас первому правилу мастера: никогда не приказывай стихии. Договаривайся с ней. Она сильнее тебя. Но она уважает смелых.

Кай сидел с открытым ртом. Эриль молча сжимал кулак, чувствуя, как руна Кеназ отзывается теплом на ладони. Вера смотрела на профессора Раста сияющими глазами. Селин думала о том, что ветер, о котором говорил Раст, похож на духов — такой же своенравный и всепроникающий. Рина встала за широкой спиной Эриля на случай молний, надеясь, что из него выйдет хороший щит. Артур, как всегда, сидел в тени, но его серые глаза были внимательны.

После лекции, когда они возвращались в Цитадель, Кай не мог молчать:

— Вы это видели? Он вызвал грозу! Прямо на полигоне! Я хочу научиться так же!

— Ты сначала свой сигил стабилизируй, — заметила Селин.

— Это другое! Сигил — это точечное воздействие, а стихии — это масштаб! Представьте, если объединить техномагию и стихии? Можно создать устройство, которое будет управлять погодой!

— Или разрушит Цитадель, — сказал Эриль.

— Ну, это уже детали.

Вера шла и думала о том, что стихии и травы — и правда одно. И там и там нужно не приказывать, а договариваться. И там и там сила принадлежит не тебе, а миру. Ты только проводник.

— Как думаешь, — тихо спросила она Эриля, — руны и стихии — это одно?

Эриль помолчал.

— Руна — это договор, — сказал он наконец. — Между тобой и силой. Стихия — это сила. Руна — это слово, которое ты ей говоришь. Одно без другого — просто шум.

— Красиво, — сказала Вера. — Ты сам это придумал?

— Нет. Дед говорил. Только на другом языке.

— На каком?

— На том, которого больше нет.

Вера хотела что-то сказать, но не нашла слов. Вместо этого она просто пошла рядом. И это было лучше всяких слов.

После лекции в Доме Бури они возвращались через лес. Гроза, которую устроил профессор Раст, ещё гремела где-то за спиной, но здесь, под кронами деревьев, было тихо. Пахло хвоей и влажной землёй. Кай шёл впереди, всё ещё размахивая руками и пересказывая моменты лекции. Эриль молча слушал. Вера шагала рядом с Селин, обсуждая смежные направления магии.

Она первой заметила цветок. Он рос прямо посреди тропы — там, где секунду назад ничего не было. Крупный, с плотными белыми лепестками, свёрнутыми в тугой бутон. Он тихо светился.

— Смотрите, — Вера остановилась и указала на цветок. — Его здесь не было.

Остальные тоже остановились. Цветок медленно раскрылся. Лепестки развернулись один за другим, и в воздух поднялось облачко золотистой пыльцы. Пыльца закружилась, складыва-

ясь в строки — мягкие, округлые, совсем не похожие на острые буквы мисс Дорин. От них пахло мятой и мёдом.

«Дорогие первокурсники! Сегодня, перед закатом, жду вас в Доме Корней на общую лекцию. Тема: «Природная магия и основы травничества: от семени до зелья». Обувь снимайте у входа. С уважением, госпожа Эльза Викка».

— «Обувь снимайте у входа», — прочитала Вера вслух, и её лицо осветилось улыбкой. — Это будет чудесно.

— Цветок-вестник, — задумчиво произнесла Рина. — Красиво.

— Каждый корпус показывает свой стиль, да? — Кай проводил глазами тающую пыльцу. — Ясность — проекция. Буря — механическая птица. Корни — цветок. Интересно, что будет от Кости?

— А Кость уже была, — напомнил Артур. — Утром. Профессор Кроу просто ждала нас в зале, без всяких объявлений. По-моему, это и есть стиль Дома Кости. Никаких спецэффектов. Только тишина.

Кай хмыкнул. Эриль молча кивнул, соглашаясь.

Дом Корней встретил их теплом и влажностью. Огромная оранжерея возвышалась над лесом, её стеклянные стены переливались в лучах вечернего солнца. Внутри всё было зелёным, живым, дышащим. Папоротники выше человеческого роста, лианы, свисающие с потолка, грядки с пряными травами, бассейны с плавающими цветами. Пахло мятой, розмарином, влажной землёй и чем-то сладким — кажется, зацвёл жасмин. Где-то журчал ручей.

Госпожа Эльза Викка ждала их в центре оранжереи. Она сидела прямо на земле, скрестив ноги, и перебирала сушёные травы в плетёной корзине. Её рыжие с проседью волосы были заплетены в толстую косу, а из кармана фартука торчала любопытная мордочка хорька. Хорёк зевнул и снова спрятался.

— Проходите, — сказала госпожа Викка. Голос у неё был тихий, как шелест листьев. — Садитесь. Земля тёплая. Она вас примет.

Студенты расселись прямо на траве, среди грядок и цветов. Вера сняла балетки у входа и теперь сидела, зарывшись босыми ногами в мягкий мох. Селин аккуратно пристроилась рядом, подвернув под себя край платья. Эриль сел чуть поодаль, но его взгляд то и дело возвращался к Вере — к тому, как она улыбается, как гладит листья мяты, как поправляет жемчужные бусы на шее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.